

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ
ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В.Е. Селиверстов

**СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ,
ИНДИКАТИВНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ
И ИМПУЛЬСНЫЕ ПРОЕКТЫ
В ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ:
УРОКИ ДЛЯ РОССИИ**

Аналитический доклад по проекту «Экспертно-аналитические, организационные и методические составляющие системы индикативного планирования научно-технологического и сбалансированного пространственного развития России при реализации крупных инвестиционных проектов»

Новосибирск
2026

УДК 338.984

ББК 65.9(2Р)30-2 + 65.9(5Кит)

С291

- С291 **Селиверстов В.Е.** Стратегические решения, индикативное планирование и импульсные проекты в государственном регулировании пространственного развития Китая: уроки для России. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2026. – 116 с.

Целью настоящего аналитического доклада является выявление особенностей и результативности осуществления государственной политики регулирования пространственного развития в Китае и оценка возможностей использования китайского опыта в России. Акцент сделан на стратегических приоритетах пространственного развития КНР, оценке значимости индикативного планирования в этой стране и на реализации инвестиционных «импульсных» проектов. В этом контексте доклад является составной частью исследования по проекту ИЭОПП СО РАН «Экспертно-аналитические, организационные и методические составляющие системы индикативного планирования научно-технологического и сбалансированного пространственного развития России при реализации крупных инвестиционных проектов».

УДК 338.984

ББК 65.9(2Р)30-2 + 65.9(5Кит)

СОДЕРЖАНИЕ

1. Введение. Постановка проблемы	4
2. Национальные и региональные модели развития как первооснова модернизационных преобразований экономики, пространства и общества	6
3. Идеология и характер экономических реформ в КНР: национальный уровень	10
4. Ключевые проблемы и ареалы пространственного развития Китая	16
4.1. Пространственное развитие Китая в исторической ретроспективе и на современном этапе развития	16
4.2. Реализация стратегии возрождения старопромышленной базы Северо-Востока Китая	25
4.3. Реализация Стратегии развития Западного макрорегиона КНР	31
5. Программные документы пространственного развития КНР: специфика стратегирования	36
6. Стратегические приоритеты пространственного развития Китая	48
6.1. Инфраструктурные проекты – основа связности и нового пространственного каркаса Китая	48
6.2. Наука и инновации и опора на человеческий капитал – «два крыла» для взлета китайской модернизации	60
6.3. Трансграничные взаимодействия и их влияние на развитие китайских регионов	73
7. Модельные регионы пространственного развития Китая: кейс автономного района КНР Внутренняя Монголия	79
8. Государственное управление пространственным развитием в Китае и в России: общие проблемы – разная результативность	88
Заключение	103
Список источников	111

1. ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В череде вызовов и угроз последнего десятилетия все более отчетливо стало оформляться стратегическое партнерство двух крупнейших государств мира – Китайской Народной Республики и Российской Федерации. В их развитии много различий, но много и общего, и одним из главных объединяющих признаков является то, что КНР и Россия, являясь «соседями» – являются и крупнейшими по территории странами мира (Россия – на первом месте, Китай – на третьем). При этом в политике и экономике постепенно происходит переоценка фактора пространства: вместо «бремени», требующего громадных затрат на преодоление этого пространства на громадных территориях, оно становится важнейшим стратегическим ресурсом России и Китая. Однако это происходит не автоматически, а в результате целенаправленной государственной политики (пространственной, структурной, инвестиционной, инфраструктурной).

В этой связи целью настоящего аналитического доклада, подготовленного в формате «Policy Report», является выявление особенностей и результативности осуществления государственной политики регулирования пространственного развития в Китае с акцентом на стратегические приоритеты пространственного развития КНР, оценку значимости стратегического и индикативного планирования в этой стране и на реализацию крупных инвестиционных «импульсных» проектов. Этот анализ не являлся самоцелью – он был направлен на выявление возможностей использования этого опыта в России, и в таком контексте он являлся одним из результатов исследования автора по проекту ИЭОПП СО РАН «Экспертно-аналитические, организационные и методические составляющие системы индикативного планирования научно-технологического и сбалансированного пространственного развития России при реализации крупных инвестиционных проектов».

Также при подготовке аналитического доклада использовались результаты научных исследований и организационной работы автора в качестве директора¹ Международного научного центра Сибирского отделения РАН по проблемам евразийских транс-

¹ По совместительству.

граничных взаимодействий, участия в международных конференциях по данной проблематике и изучения тенденций и перспектив экономического и пространственного развития КНР во время многочисленных научных командировок в эту страну.

Результаты этих исследований опирались на изучение монографий и научных статей отечественных и зарубежных авторов. Так, проблемы пространственного развития Китая в российской научной литературе рассматривались в научных разработках Института Дальнего Востока РАН (ныне – Института Китая и современной Азии РАН), Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Института востоковедения РАН, других институтов и университетов. Среди этих работ выделим исследования М.Л. Титаренко (Титаренко, 2014), Е.С. Баженовой и А.В. Островского (Баженова, Островский, 2016), В.Л. Ларина (Ларин, 2021). Исторический взгляд на проблемы пространственного развития Китая отражен в исследованиях С.Б. Макеевой (Макеева, 2021, 2023). Она же дала оценку развития современной школы региональных исследований в Китае, которые находятся в русле мировых школ региональной экономики и новой экономической географии (Макеева, 2020).

Интересные результаты исследования китайского опыта региональной политики и развития конкретных макрорегионов и провинций содержится в публикациях А.Ю. Захаржевской (Захаржевская, 2021), Е.Н. Самбуровой (Самбуrowa, 2014) и И.В. Ставrowa (Ставrowa, 2017).

Проблемы государственной региональной политики и пространственного развития Китая являются производными от китайской модели развития и модернизации. В ее осмыслении выделяются исследования А.В. Ломанова и О.Н. Бороx (Ломанов, 2020), (Бороx, Ломанов, 2024) и В.В. Попова (Попов, 2025).

Эти работы рассматривались нами через призму пространственного развития России, ее государственной региональной политики, развития Сибири и Дальнего Востока в системе российской и мировой экономики. Здесь мы опирались на наши авторские публикации и на совместные с академиком В.А. Крюковым работы (Селиверстов, 2013, 2024), (Seliverstov, 2022), (Kryukov, Seliverstov, 2022). В них в том числе представлен более подробный анализ теории, методов и результатов исследования данной

проблемы в трудах российских и зарубежных ученых, и здесь нет смысла подробно на этом останавливаться.

В данном аналитическом докладе выскажем две гипотезы, которые постараемся обосновать в его разделах: а) предложенные нами ранее контуры новой модели развития Сибири в своих основных чертах реализуются ныне в китайской модели модернизации, сформулированной в решениях XX съезда КПК и развитой в государственных планах социально-экономического развития страны на XIV и XV пятилетки; б) решающее значение в эффективности и реализуемости современной модернизационной модели Китая и в недостаточной результативности современной российской модели имеют институциональные факторы и условия.

Для подтверждения этих гипотез мы воспользовались программными документами развития КНР, новой статистикой и новыми публикациями китайских и российских ученых с целью отразить современный и перспективный (до 2035–2040 гг.) период модернизационных преобразований в Китае с акцентом на проблематику пространственного развития этой страны. Их сопоставление с российскими тенденциями будет, насколько мы можем судить по известным нам публикациям, осуществлено впервые.

При оценке тенденций и эффективности развития российских и китайских регионов и эволюции пространственного развития России и КНР нами использовались данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат РФ) и Национального бюро статистики КНР.

2. НАЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ КАК ПЕРВООСНОВА МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ЭКОНОМИКИ, ПРОСТРАНСТВА И ОБЩЕСТВА

Проект «Экспертно-аналитические, организационные и методические составляющие системы индикативного планирования научно-технологического и сбалансированного пространственного развития России при реализации крупных инвестиционных проектов», по идее его инициаторов, направлен на выработку методологических

и методических подходов к модернизации процессов пространственного развития Российской Федерации на основе использования крупных инвестиционных импульсов и современного индикативного планирования (Научно-технологические..., 2025). Однако мы полагаем, что даже самые выверенные и обоснованные научные рекомендации, полученные в рамках реализации данного проекта и основанные на комплексном исследовании этих процессов могут (и, скорее всего – так и будет) отвергаться реальной практикой существующей системы российского государственного управления.

И дело не в существующих в современных условиях ограничениях в реформировании экономики страны, связанных с новыми глобальными вызовами и угрозами геополитического, оборонительного, экономического и научно-технического характера. Подобное отторжение коснулось многих других системных предложений российских ученых-экономистов, выдвинутых в последнее десятилетие, например, концепции академика Аганбегяна А.Г. по переходу экономики России на траекторию устойчивого роста (Аганбегян, 2023); меморандума суверенного роста академиков Крюкова В.А., Порфирьева Б.Н. и члена-корреспондента Широва А.А. (Крюков, Порфирьев и Широков, 2022). Как мы полагаем, это происходило не в силу субъективных причин (отторжение предлагаемых новаций конкретными персонами категории ЛПР – «лица, принимающие решения»), а в результате несоответствия этих предложений существующей модели развития России. Именно сама эта модель препятствовала проникновению чужеродных и не свойственных ей принципов, идей, механизмов, институтов.

Поэтому мы считаем, что основные научные результаты и рекомендации указанного проекта должны дополняться позицией Института экономики и организации промышленного производства СО РАН по модернизации существующей национальной модели развития Российской Федерации и моделей макрорегионов и субъектов Федерации, а также оценкой реалистичности таких предложений на основе изучения опыта лучших практик ведущих стран мира.

С этих позиций изложим наше видение такого подхода, рассмотрев вначале его понятийный аппарат.

Национальную модель развития мы понимаем как интегральную совокупность модели государственного устройства, экономической модели государства, модели государственного управления,

системы институтов, регулирующих эти модели, а также действующих в данный период времени политической и оборонной доктрины той или иной страны (Селиверстов, 2024). *Региональную модель развития* следует трактовать как проекцию национальной модели на конкретный регион с учетом его региональной специфики и действующей в данном государстве системы межбюджетных и межправительственных отношений. В качестве региональной специфики могут рассматриваться особенности обеспеченности природными ресурсами, структуры производства, этнонациональные и конфессиональные особенности, качество регионального управления и др. Последнее имеет особую значимость, равно как и действующая экономическая доктрина развития данного региона, закреплённая в программных документах регионального стратегического планирования и реализованная в системах регионального стратегического управления.

Хорошо известен опыт южных прибрежных провинций Китая, которые стали «мотором» китайской модернизации и построения моделей регионального инновационного развития (Чжан, 2017), (Попов, 2025), (Островский (2025)). Полярный пример – модель Аляски как «региона-корпорации», успешно реализованная ее идеологом, бывшим губернатором этого штата У. Хиклом (Хикл, 2004). Подобные примеры показывают, что решающую роль в формировании сильных региональных моделей играют институты, верно выбранная доктрина развития региона и качество регионального управления. Это мы показали на примере сопоставления региональных моделей развития Новосибирской и Кемеровской областей Российской Федерации (Seliverstov, 2022).

В последние годы на примере Сибири нами была обоснована целесообразность перехода на новую модель развития (Селиверстов, 2024). При рассмотрении контуров такой модели мы выделили ее шесть векторов – важнейших и основополагающих принципов и направлений:

- 1) переход на модель возобновляющегося роста социальной ценности;
- 2) усиление связности пространства Азиатской России и в ее рамках – связности сибирского пространства;
- 3) формирование новой системы трансграничных взаимодействий;

4) коренная модернизация стратегического и индикативного планирования и управления на национальном, межрегиональном и региональном уровнях;

5) формирование элементов субъектности Сибири как целостной социально-экономической пространственной системы;

6) формирование новой модели финансово-экономических отношений федерального центра и регионов и переход на новые принципы недропользования.

Ключевое значение имеет первый вектор – рост социальной ценности, в основе которого отказ от эксплуатации природных ресурсов любой ценой и переход на рост человеческого капитала, его навыков и компетенций, на защиту природной среды, на усиление роли науки, инноваций и знаний. Это близко к современным понятиям «устойчивого развития» и к концепции ESG-подхода (Environmental, Social, Governance), но существенно усиливает их за счет особого внимания к росту человеческого капитала, науки и знаний.

Почему мы рассматриваем в настоящем аналитическом докладе вопрос о новой модели развития России и Сибири? Все дело в их реалистичности, реализуемости и соответствии выдвигаемым в рамках настоящего исследовательского проекта положениям.

Так, наш анализ показал, что перечисленные выше основные контуры новой модели развития Сибири в той или иной степени присутствуют в национальных моделях развития развитых стран мира. Важнейшие ее черты в части эффективного распоряжения ресурсным потенциалом четко просматриваются в модели развития Норвегии; Республика Корея является одним из лидеров по развитию «зеленой экономики» и т.д. Что касается комплексной «пакетной» имплементации основных принципов и направлений, которые должны составлять «ядро» новой модели развития Сибири, то, по нашему мнению (и мы формулировали это в виде гипотезы), то в наибольшей мере им соответствует современный этап китайской модернизации.

Эту гипотезу мы выдвинули первоначально на основе анализа главного программного документа социально-экономического развития КНР – «Основных положений четырнадцатого пятилетнего плана народнохозяйственного и социального развития КНР

и перспектив до 2035 г.», принятых на XX съезде КПК (Основные..., 2022). Для ее подтверждения мы более акцентированно изучили труды китайских ученых по проблемам пространственного развития страны, позицию российских ученых и экспертов по оценке последних тенденций и проблем развития Китайской Народной Республики.

Рассмотрим далее, как выделенные принципы и направления новой модели развития Сибири реализуются в идеях, стратегическом планировании, «импульсных проектах» и в практике пространственного развития Китая. Это послужит основой для выводов о возможности использования китайской модели модернизации в российских условиях.

3. ИДЕОЛОГИЯ И ХАРАКТЕР ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ В КНР: НАЦИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

Прежде чем дать общую оценку результативности государственного управления пространственным развитием КНР, выскажем нашу позицию относительно концептуальных черт «китайского чуда» реформирования и модернизации. Этим вопросам посвящено достаточно большое число зарубежных и отечественных публикаций. Из монографий, изданных на русском языке и относящихся к проблематике данного аналитического доклада, заслуживают внимания три книги: «Опыт китайских экономических реформ и их теоретическая значимость» Чжан Юя (Чжан, 2017), «Китайская модель. Ретроспектива и перспектива» В.В. Попова (Попов, 2025) и «Китайская экономическая реформа с близкого расстояния: как проводилась экономическая реформа в различных провинциях КНР» А.В. Островского (Островский, 2025).

Так, А.В. Островский выделяет шесть этапов экономических реформ в Китае: «1) 1979–1984 гг. – “плановая экономика – основа, рыночное регулирование – дополнение”; 2) 1984–1993 гг. – “плановая товарная экономика”; 3) 1993–2002 гг. – “социалистическая рыночная экономика”; 4) 2003–2013 гг. – “совершенствование социалистической рыночной экономики”; 5) 2014–2024 гг. –

“переход к решающей роли рынка в распределении ресурсов”; 6) с 2024 года – “углубление рыночных реформ”» (Островский, 2025, с. 10–11). При этом он пишет, что «первые два этапа были лишь подготовкой для реализации концепции экономической реформы, и лишь в ходе третьего этапа стал происходить переход к рыночной экономике, построенной на основе всемерного развития предприятий различных форм собственности и постепенного допуска предпринимателей к участию в принятии государственных решений» (Там же, с. 10–11).

Мы считаем важным сделать акцент на нескольких значимых выводах из анализа экономических реформ в КНР.

1. Китай, в отличие от России, реализовал четкую логику и последовательность реформ, которые растянулись на десятилетия. Чжан Юй выделяет такие особенности целей и процесса реформ: целостность, историчность и неопределенность (Чжан, 2017). Так, самый первый этап реформ начался с китайской деревни, где постепенно стали внедряться новые рыночные методы хозяйствования, когда в результате перехода крестьянских дворов на семейный подряд и разукрупнения народных коммун существенно увеличились доходы сельского населения. Чуть позже в качестве эксперимента в ряде городов прибрежных провинций Китая стали создаваться специальные экономические зоны. Таким образом, каждый последующий этап реформ опирался на результаты предыдущего как в виде наращивания экономических и финансовых результатов модернизации, так и в виде предпринимательского и управленческого опыта, а также формирования и совершенствования «институционального рыночного духа».

Целостность китайских реформ имела очень большое значение. Когда было видно, что реформы буксуют (как, например, с реализацией стратегий развития Западного и Северо-Восточного макрорегионов), предпринимались необходимые действия по корректированию тех или иных направлений, финансовых институтов, организационных условий преобразований. То есть процесс модернизации производственной, пространственной и социальной структуры Китая – не застывший и буксующий, находящийся под прессом бюрократического механизма, а живое развитие, адаптирующееся под новые вызовы и угрозы, под творческое применение метода проб и ошибок, под рекомен-

дации ученых и аналитиков, под эффективное использование позитивного зарубежного опыта. Так, принятые стратегии развития китайских макрорегионов позже дополнялись и корректировались специальными программными документами с интригующими названиями «Несколько мнений...», «Руководящие мнения...». Это дополняется, как было показано нами в работе (Селиверстов, 2025б), достаточно эффективной системой стратегического индикативного «скользящего» планирования. Иными словами, в КНР осуществлялся, выражаясь современным языком, мониторинг реформ. Но при этом экономические реформы в Китае не сопровождались демонтажем политической системы, хотя отдельные ее элементы также подвергались корректировкам.

Чжан Юй утверждает: «...Специфика и успех китайских преобразований обусловлены тем, что они сочетают в себе государственность и “народность”. Их также отличает стихийность и опора на творческую инициативу низов. Несмотря на то что реформы в Китае осуществляются по принципу “сверху вниз”, они учитывают все ранее выдвинутые требования по изменению общественной жизни. Управление реформированием едино, но при этом шаги и методы его осуществления отдельными ведомствами, регионами и единицами многообразны» (Чжан, 2017, с. 130). А.В. Островский замечает, что в современном Китае в ходе реформ «действовали на основе старой китайской мудрости: “Исходя из местных условий”» (Островский, 2025, с. 10).

В России (равно как и в других странах Восточной Европы, и здесь яркий пример – Польша) экономические реформы совмещались с политическими и осуществлялись по принципу «радикальных» и крайне быстротечных преобразований¹. Особенностью Российской Федерации явилось то, что гайдаровская реформа («шоковая терапия», либерализация цен и торговли, приватизация, ваучеризация), хотя и сформировала рыночные институты (из-за неподготовленности и недоучета рисков превратив их в «квазирыночные»), имела серьезные негативные последствия. Под воздействием непрофессионализма, коррупции и личной заинтересованности сформировалась искаженная институциональ-

¹ Здесь вспоминается шедевр народного фольклорного творчества постсоветской России: «Я проснулся – здравствуйте: нет советской власти».

ная среда, которая сильно тормозила дальнейшие преобразования, а последствия ощущаются до сих пор. В целом наблюдались некомплектность российских реформ и отсутствие их полноты и единства. В результате позже не были достигнуты, например, ожидаемые результаты от создания сети территорий опережающего развития (ТОР) на Дальнем Востоке РФ¹.

2. Китайский опыт реформ был основан на достаточно смелых экспериментах, которые в ходе реализации подвергались необходимым корректировкам. В то же время эти эксперименты, а также крупные инфраструктурные проекты тщательно готовились², что обеспечило их быструю и эффективную реализацию. В их основе лежало последовательное распространение особых нормативно-правовых режимов хозяйственной деятельности в провинциях, автономных районах и городах Китая. Начавшись с формирования *специальных экономических зон* в приморских провинциях Востока КНР (наиболее известная зона – в г. Шэньчжэнь, провинция Гуандун), далее такие нормативно-правовые режимы воплощались в форме *национальных зон инновационного развития, зон высокотехнологичного развития, зон приграничного экономического сотрудничества, зон развития цифровой экономики, интегрированных пилотных зон реформ, зон «экологической цивилизации»*. Специальные режимы экономической деятельности в Восточной прибрежной зоне постоянно развивались, трансформируясь позже в *экспериментальные (пилотные) зоны свободной торговли (ЭЗСТ)*, которые также прошли несколько этапов трансформаций. В.Я. Портяков (Портяков, 2021) выделяет особенности и результативность «трех волн» ЭЗСТ (в том числе в Пекине и Шанхае). В них осуществляется тестирование новых форматов внешнеторговых операций, снятия административных барьеров, внедрение финансовых инноваций и т.д. Такие эксперименты активно прово-

¹ Тем не менее мы считаем, что именно создание ТОР на Дальнем Востоке позволило впервые за последние десятилетия приостановить падение доли этого макрорегиона в ВВП страны. Однако Владивосток так и не стал «российским Шэньчжэнем».

² Например, подготовка к реализации крупнейшего проекта китайской «перелоски рек» составила почти 50 лет, которые были потрачены на научные проработки и тщательные технико-экономические обоснования, оценку рисков, выбор нужных вариантов, подготовку кадров и опорных баз.

дятся и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Даже из поверхностного анализа приведенного перечня следует, что особые нормативно-правовые режимы осуществления экономической, инновационной и внешнеэкономической деятельности вводились в регионах КНР не по шаблону, а имели четкую временную, проблемную и пространственную направленность.

3. Ключевую роль в реализации китайских реформ сыграли политика экономической открытости КНР к внешнему миру и привлечение колоссальных объемов иностранного капитала и зарубежных технологий. Отметим, что и в постсоветской России был достигнут впечатляющий рост в первые 15 лет нынешнего века за счет этого фактора. Политика открытости трансформировалась более 10 лет назад в крупнейшую международную стратегическую инициативу Китая «Один пояс – один путь», ядром которой стали два масштабных трансграничных проекта: «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской шелковый путь XXI века» (Ли, 2021), (Сунь, 2023, 2024). Став крупнейшим в мире «реципиентом» привлечения иностранного капитала на начальных этапах реформ, Китай постепенно превратился в крупнейшего в мире его «производителя». Мощная современная система трансграничных экономических и научно-технических взаимодействий стала одним из краеугольных камней китайской модернизации и реального (а не «лозунгового») укрепления позиций этой страны на международной арене. В результате китайские зоны влияния буквально «опутали» все пространство восточной части Евразии и значительные территории Африки.

4. Китайская модель модернизации экономической и пространственной структуры страны четко учитывала современные особенности мировых интеграционных и научно-технических процессов. Так, мы отмечали (Селиверстов, 2025в), что в рамках «интеграции 2.0», условно начавшейся в первые годы XXI в., происходит снижение значимости природных ресурсов как драйверов развития при резком усилении значимости знаний, науки и инноваций, цифровой и «зеленой» экономики; возрастает значимость пространства и производства продовольствия как важнейших стратегических ресурсов; конкуренция национальных и транснациональных компаний и фирм постепенно замещается конкуренцией крупных платформ и экосистем бизнеса; усилива-

ется роль роста социальной ценности в национальном и региональном развитии.

Эти новые цели и движущие силы постепенно стали доминантами последних этапов китайской модернизации. Самое главное, в КНР сформировалось четкое осознание того, что все реформы должны быть направлены на человека и на его среду обитания, а не на бездумный рост производства ради производства, когда народ рассматривается не как цель преобразований, а как банальный «производственный ресурс», когда действует мичуринский принцип «мы не можем ждать милости от природы, взять их у нее – наша задача». К сожалению, реформы в постсоветской России базировались на потребительском отношении к человеку и природе, и в этом их коренное отличие от китайских.

5. Каждый этап экономических реформ в Китае закреплялся в решениях очередных пленумов ЦК КПК и принимал характер главного идеолого-экономического программного документа развития страны на очередной пятилетний срок. При этом планы (стратегии) всех китайских «пятилеток» формировались с большим запасом прочности. Как правило, все самые масштабные планы преобразований (рост не на проценты, а в разы), которые казались неосуществимыми, на грани реальности и фантастики, перевыполнялись. На этом фоне можно вспомнить сопоставление планов и их выполнения в советских пятилетках и отсутствие мониторинга реализации программных документов развития страны в постсоветской России.

Факты и цифры говорят сами за себя. По данным государственной статистики КНР, с 1978 по 2023 г. ВВП Китая в номинальном выражении увеличился почти в 120 раз, а реальный ВВП КНР (с элиминированием инфляции) увеличился более чем в 40 раз. Политика «реформ и открытости» оказалась успешной благодаря последовательному переходу к рыночной экономике, массовой индустриализации, привлечению колоссальных зарубежных инвестиций, продуманной урбанизации. Существенный рост производительности труда достигался за счет технического прогресса, при этом на современном этапе модернизации Китай уже осуществляет политику перехода к технологическому лидерству.

В то же время, по оценке академика А.Г. Аганбегяна, за последние 30 лет ВВП России увеличился лишь на 30% (т.е. в пре-

делах 1% прироста за год). С 2013 по 2021 г. ВВП России вырос всего на 4,7% (в 2020–2021 гг. на это влияли и экономические последствия пандемии коронавируса). Общим итогом развития постсоветской России были низкие темпы роста экономики и низкая эффективность производства, неудовлетворительные итоги социального развития (Аганбегян, 2023). Комментарии при сопоставлении России и Китая излишни, и они даже приводят к заключению, что нельзя сравнивать несравнимое.

Подробный анализ направлений и результативности экономических реформ Китая не входил в цели и задачи аналитического доклада. Но он был необходим в качестве «внешнего фона» для оценки модернизации пространственной структуры страны и глубинных процессов реформ, происходивших в провинциях, автономных районах и городах КНР.

4. КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И АРЕАЛЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ

4.1. Пространственное развитие Китая в исторической ретроспективе и на современном этапе развития

Основной и главной проблемой пространственного развития Китая в разные исторические периоды была и остается проблема региональных неравенств и неравномерности (разрыва) в уровнях развития ее крупных территорий. В блестящей статье проф. Ли Пэйлина (Ли, 2022) рассмотрена историческая эволюция этого разрыва и показано, что сегодняшний разрыв между Севером и Югом следует рассматривать как новое явление. История разрыва между Востоком и Западом Китая насчитывает тысячи лет, в то время как возникновение нового разрыва между Севером и Югом – дело нескольких последних десятилетий.

Отмечая, что поскольку для оценки уровня «пространственного разрыва» в Китае чаще всего используются показатели степени концентрации населения, Ли Пэйлин провел интересную историческую параллель, ссылаясь на исследования китайского

географа Ху Хуаньюна (Ху, 1935). Тот еще в 1935 году предложил для географического разграничения плотности населения линию «Айгунь-Тэнчжун». Она проходит от Айгуня в провинции Хэйлунцзян до Тэнчжуна в провинции Юньнань и делит Китай на две части – юго-восточную и северо-западную; уровень концентрации населения соответствовал уровню экономического развития региона: на юго-востоке от линии «Айгунь-Тэнчжун» 96% населения было сосредоточено на 36% территории страны, а на северо-западе 4% населения проживало на 64% территории Китая. «Уже в наше время географы из Китайской академии наук, основываясь на данных Пятой переписи населения 2000 года, оценили, что на юго-восточную часть линии по-прежнему приходится 94,1% всего населения страны, а на северо-западную часть – 5,9%» (Ли, 2022).

Рис. 1. Карта административно-территориального деления Китая с выделенными нами макрорегионами (1 – Западный, 2 – Северо-Восточный, 3 – Центральный, 4 – Восточный прибрежный)

Источник: официальная карта административного деления КНР (<https://bajiu.cn/ditii/7en2>). Выделение макрорегионов произведено автором.

В теории и практике пространственной политики КНР для целей государственного управления на межрегиональном уровне выделены четыре макрорегиона: Западный, Северо-Восточный, Центральный и Восточный прибрежный (рисунок 1)¹.

Нам представляется, что подобное макрорайонирование Китая с экономической и природно-географической точки зрения небесспорно: Западный макрорегион отличается сильная неомогенность и резкое доминирование над остальными макрорегионами страны по масштабу территории. Мы предлагаем решить эту проблему двумя путями:

а) оставить в этой сетке четыре макрорегиона, но сформировать их таким образом: Север (существующий Северо-Восток КНР плюс Внутренняя Монголия – АРВМ и Синьцзян-Уйгурский автономный район – СУАР), Запад (Западный макрорегион с изъятием из него АРВМ и СУАР); Центр и Восточная прибрежная зона остаются в существующем виде (рисунок 2);

б) сформировать сетку из пяти макрорегионов: Северо-Западного (Внутренняя Монголия, Синьцзян и Тибет), Западно-Центрального (существующий Западный без АРВМ, СУАР и Тибета), Северо-Восточного, Центрального и Восточного прибрежного (в существующих границах) – рисунок 3.

¹ В КНР в официальных названиях используется термин «Восточный регион» (термин макрорегион не применяется). Далее мы будем помимо таких названий этих макрорегионов упоминать также формулировки «Западная зона» и т.д., а также «Северо-Восток», «Центр», «Запад». В состав Западного макрорегиона КНР включаются следующие административно-территориальные единицы КНР: Чунцин, Сычуань, Шэньси, Ганьсу, Цинхай, Юньнань, Гуйчжоу, Гуанси-Чжуанский автономный район, Автономный район Внутренняя Монголия, Нинся-Хуэйский автономный район, Синьцзян-Уйгурский автономный район и Тибетский автономный район. В Северо-Восточный макрорегион включаются провинции Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин. Центральный макрорегион состоит из провинций Шаньси, Аньхой, Цзянси, Хэнань, Хубэй и Хунань. В Восточный макрорегион включаются Пекин, Тяньцзинь, Хэбэй, Шанхай, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Шаньдун, Гуандун и Хайнань.

Рис. 2. Вариант 1 альтернативного макрорайонирования КНР
(1 – Северный; 2 – Западный; 3 – Центральный; 4 – Восточный прибрежный)

Источник: официальная карта административного деления КНР (<https://bajiu.cn/ditii/7en2>). Выделение макрорегионов произведено автором.

Это будет более логичная и непротиворечивая топология природно-географического, политического, экономического и этнонационального пространства Китая. Выделенные новые макрорегионы будут, безусловно, обладать большей внутренней однородностью, что позволит стимулировать в них интеграционные процессы.

Возвращаясь к проблеме «пространственного разрыва» в развитии Китая, то если не ликвидация этого разрыва, то хотя бы его сокращение в последние десятилетия стали важным направлением государственной политики КНР. Л.Б. Макеева в своем диссертационном исследовании (Макеева, 2023) ввела авторскую периодизацию стратегических установок такой политики, рассматривая три периода: период начала и развития китайских реформ; 90-е годы прошлого столетия; первое десятилетие XXI века как период перехода от стратегии несбалансированного пространственного развития к сбалансированному.

Рис. 3. Вариант 2 альтернативного макрорайонирования КНР
(1 – Северо-Западный; 2 – Северо-Восточный; 3 – Западно-Центральный;
4 – Центральный; 5 – Восточный прибрежный)

Источник: официальная карта административного деления КНР (<https://bajiu.cn/ditii/7en2>). Выделение макрорегионов произведено автором.

Мы считаем, что подобная периодизация имеет право на существование, но с определенными оговорками. Первый этап следовало бы назвать периодом реализации стратегии ускоренного развития Восточного прибрежного региона как «локомотива» резкого ускорения развития Китая. Это не была специальная стратегия «несбалансированного пространственного развития», оно явилось следствием мощной целевой поддержки восточных прибрежных регионов, которые приняли на себя главную нагрузку по резкому усилению экономической мощи Китая, решению проблемы бедности и превращению страны в «мировую фабрику». Руководство КНР с начала реформ Дэн Сяопина намеренно шло на усиление разрыва в уровнях экономического и социального развития Восточно-прибрежного макрорегиона и остальных территорий страны. Это была неизбежная цена феноменально быстрого подъема китайской экономики,

пространственным эпицентром которого стали прибрежные восточные регионы и города (Шанхай, Шэньчжэнь и др.).

Но вряд ли для этого требовалась специальная национальная стратегия «несбалансированного развития» – все определялось законами рынка и новыми драйверами развития в виде свободных экономических зон, которые стали первой институциональной основой внедрения рыночных отношений в социалистическом Китае и новых отношений открытости. Ключевая идея реформ Дэн Сяопина – экономическая открытость ко всему миру и масштабный выход КНР на мировые рынки имела четкую географическую привязку: прибрежные восточные территории страны, с одной стороны, через свои морские порты могли более быстро и эффективно обеспечивать бурно развивающиеся контакты с развитыми странами мира (Навдаева, 2024)¹. С другой, их экономическая и институциональная среда была более приспособлена для этого, нежели, например, в основной промышленной базе нового Китая – в его северо-восточных провинциях (об этом будет сказано ниже).

Специальные режимы экономической деятельности в Восточной прибрежной зоне постоянно развивались, трансформируясь позже в экспериментальные зоны свободной торговли (ЭЗСТ), которые прошли несколько этапов трансформаций.

Что касается 90-х годов прошлого века, то, как мы считаем, в это время не осуществлялись масштабные преобразования пространственного устройства страны, но это был период оценки рисков несбалансированного пространственного развития, порожденного доминированием Восточной прибрежной зоны. Эти риски начинали подходить к критической черте – к дефициту инфраструктурных мощностей для развития производства в западных, центральных и северо-восточных регионах, к проблеме нехватки там квалифицированных кадров. На смену высоких

¹ В современных условиях понятие «морской экономики» трансформировалось в понятие «синей экономики» – т.е. экономической деятельности, связанной не только с обслуживанием внешнеэкономических связей страны путем использования географических преимуществ прибрежных регионов и их океанических и морских портов, но и в деятельность, связанную с использованием, сохранением и восстановлением морской среды (по аналогии с «зеленой экономикой»). Территории Восточного прибрежного макрорегиона КНР в настоящее время начинают активно включаться и в это направление экономического развития.

темпов экономического роста в стране должно было прийти новое *качество экономического роста*, важнейшей характеристикой которого должно было стать гармоничное развитие всех территорий страны в интересах единства китайской нации. Однако это требовало колоссальных финансовых и материальных ресурсов и реализации специальных программ поддержки и модернизации трех остальных макрорегионов страны – Западного, Северо-Восточного и Центрального.

В этой связи нас более всего интересует динамика пространственного развития КНР в последние четверть века и то, какими средствами государственного вмешательства она регулировалась. После вступления в XXI век национальные стратегии развития Китая усилили поддержку центральных и западных регионов: в 1999 г. была предложена стратегия развития Западного макрорегиона, и с 2000 г. она начала реализовываться, в 2003 г. – стратегия возрождения старых промышленных баз в Северо-Восточном макрорегионе, в 2006 г. – стратегия подъема Центрального макрорегиона, в 2013 г. – стратегия экономического пояса реки Янцзы, в 2015 году – стратегия совместного развития Пекина и Тяньцзинь-Хэбэя.

Реализация указанных стратегий развития оказала важное влияние на пространственную структуру Китая; относительный разрыв в региональном развитии перешел от расширения к сокращению. Ли Пэйлин отмечает (Ли, 2022), что в период с 2013 по 2019 год разрыв в уровне располагаемого дохода на душу населения жителей всех провинций, автономных районов и городов центрального подчинения снизился с 0,413 до 0,397. Однако тенденция этого перелома остается неопределенной, поскольку цифровая трансформация отраслей и технологий вновь стала углублять разрыв в региональном развитии на глобальном уровне.

На базе использования официальных данных Национального бюро статистики КНР (данные по производству валового регионального продукта – ВРП в целом и в разрезе его трех секторов: первичного, вторичного и третичного с 1990 г.¹) мы оценили ди-

¹ Первичный сектор – сельское хозяйство, добывающие отрасли, лесное хозяйство, рыбное хозяйство; вторичный сектор – промышленность, энергетика, строительство; третичный сектор – сфера услуг, финансовое и страховое обслуживание, государственное управление, наука и образование.

намику доли четырех макрорегионов Китая в валовом национальном продукте (ВВП) КНР. При этом поскольку сумма показателей ВРП 32 административно-территориальных единиц КНР (23 провинции, пять автономных районов, четыре города центрального подчинения) не совпадала с ВВП страны¹, оценка производилась по отношению к сумме региональных ВРП как аналогу расчетного ВВП КНР.

На рисунке 4 показано изменение доли четырех макрорегионов КНР в ВВП страны в период 1990–2023 гг.

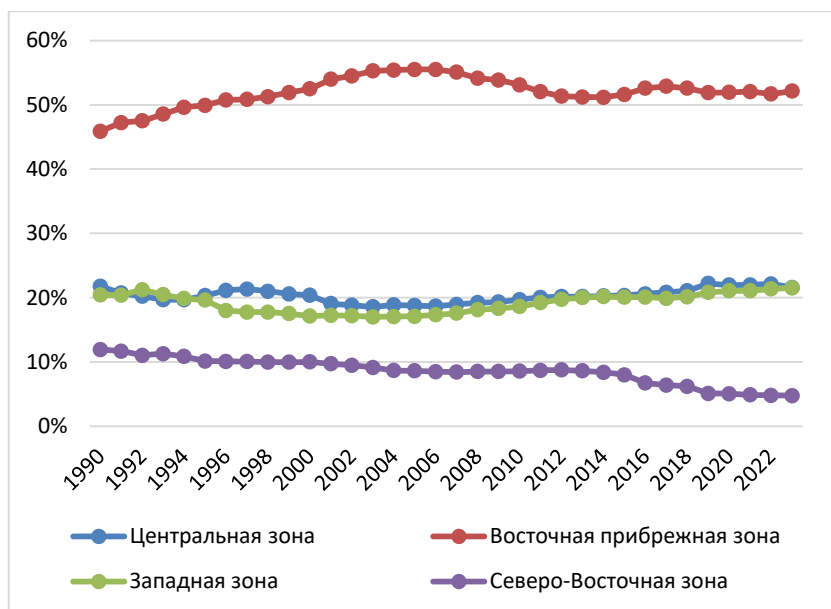

Рис. 4. Динамика доли макрорегионов Китая в расчетном ВВП КНР

Источник: данные Национального бюро статистики КНР, расчеты автора.

Формат аналитического доклада не дает возможность более детально описать особенности пространственных изменений производства в КНР, оцениваемых динамикой региональных ВРП,

¹ Национальное бюро статистики КНР дало пояснение причинам такого расхождения https://www.stats.gov.cn/hd/lyzx/zxgk/202405/t20240524_1953798.html

и, тем более, в разрезе трех секторов. Здесь отметим три главных вывода:

1) Достигнув доли в 55,5% в ВВП КНР в 2003–2006 гг., удельный вес Восточного макрорегиона (Восточной прибрежной зоны) в дальнейшем начал снижаться и в 2023 году составил 52,0%. Характерно, что удалось приостановить рост концентрации производства в городах центрального подчинения (Пекине и Тяньцзине). Учитывая инерционность динамики экономических показателей – это серьезный результат реализации государственной политики регулирования пространственного развития за счет реализации национальных программ поддержки трех остальных макрорегионов страны.

2) Эта динамика в существенной степени предопределилась увеличением доли Западного макрорегиона в системе национальной экономики (с 17% в 2000 г. до 22% в 2023 г.).

3) Реализация стратегии возрождения старых промышленных баз в Северо-Восточном макрорегионе первоначально принесла свои результаты. За 10 лет (с 2003 по 2013 гг.) экономический рост трех северо-восточных провинций в большинстве лет был выше, чем в среднем по стране. Однако начиная с 2015 г. наметилась тенденция снижения доли Северо-Востока в производстве валового национального продукта КНР. Наиболее неблагоприятное влияние оказали более низкие темпы роста ВРП провинции Ляонин, в то время как провинция Цилинь демонстрировала устойчивую динамику. Провинция Хэйлунцзян занимала промежуточное положение в этом процессе (см. раздел 4.2 аналитического доклада).

В целом можно сделать вывод, что с позиций концентрации экономической мощи и экономической и технологической активности в России существует водораздел по линии «Запад – Восток», а в Китае по линии «Север – Юг». Богатые ресурсами обширные территории двух стран, но менее развитые в экономическом отношении (Азиатская Россия и Северо-Восток Китая) граничат друг с другом. Это объективно содержит в себе как потенциал их взаимодополнения и трансграничного сотрудничества, так и накладывает объективные ограничения на такие взаимодействия.

Особую значимость в происходящих процессах эволюции пространственной структуры Китая имеет результативность мер государственной поддержки развития Северо-Восточной и Западной зон страны. Остановимся на этих вопросах подробнее.

4.2. Реализация стратегии возрождения старопромышленной базы Северо-Востока Китая

Наиболее интересным для анализа результативности общегосударственной региональной политики является феномен Северо-Востока Китая. С начала 90-х годов прошлого века автор регулярно выезжал в научные командировки в Харбин (столицу провинции Хэйлунцзян) для организации российско-китайских конференций по сотрудничеству Сибири, Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая, для научных исследований, а в последние годы – для участия в ежегодных форумах аналитических центров российско-китайских экономических взаимодействий. Сотрудничество Института экономики и организации промышленного производства СО РАН и Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян приобрело прочный характер, его результатом, например, явился перевод на китайский язык фундаментальной монографии ИЭОПП СО РАН «Сибирь на пороге нового тысячелетия».

Регулярное посещение провинции Хэйлунцзян, участие в ежегодных Российско-китайских Экспо в рамках Харбинской ярмарки, командировки в провинцию Цзилинь (г. Чанчунь) дали возможность как увидеть масштаб и динамику преобразований Северо-Востока Китая, так и оценить возможные проблемы и риски его развития. Северо-Восток Китая особо интересен для нас как регион с очень схожими с сибирскими и дальневосточными регионами условиями развития и с богатыми традициями взаимодействия с Россией.

Для подготовки аналитического доклада мы ознакомились с рядом статей китайских ученых, касающихся тенденций развития Северо-Востока Китая, имеющих в данном макрорегионе проблем и направлений их решения (Гао, 2025), (Ли, 2022), (Лю, Г., 2023), (Лю И., 2023), (Лю, Ци, 2018), (Ци, 2023), (Чан, 2021), (Чэнь, 2017) и др.¹. Их анализ и наши собственные исследования позволили сделать следующие обобщения.

1. После основания Нового Китая Северо-Восточный регион стал главным промышленным центром КНР. Во время первой

¹ Автор выражает благодарность директору Института России Хэйлунцзянской Академии общественных наук проф., д.и.н. Чжун Цзяньпину за ценные советы по отбору этих публикаций.

пятилетки (1953–1957 гг.) Советский Союз оказал помощь в строительстве 156 крупных промышленных объектов, заложив промышленный фундамент социалистического Китая. Подавляющая их часть была расположена на северо-востоке страны. Такая схема размещения новых промышленных мощностей была предопределена имеющимися в этом макрорегионе ресурсами, пограничным положением с Дальним Востоком СССР, укорененными традициями российско-китайского сотрудничества и знанием русского языка частью населения, а также военно-оборонными потребностями. В целом, она полностью изменила прежнюю схему, при которой 70% промышленности Китая было ранее сосредоточено на побережье. Основными отраслями народного хозяйства Северо-Востока стали машиностроение (преимущественно тяжелое), сельское хозяйство (здесь расположена зерновая житница Китая), нефтехимия, энергетика и пищевая промышленность.

2. Однако с 80–90-х годов прошлого века, несмотря на освоение новых нефтегазовых и угольных месторождений, развитие новых машиностроительных и нефтехимических производств, три северо-восточные провинции столкнулись с новыми трудностями. Устаревшие производственные мощности построенных с помощью СССР предприятий нуждались в серьезном обновлении. Ситуация усугубилась низкими показателями рождаемости, что осложнило демографическую проблему. Макрорегион стал резко терять свои позиции в народно-хозяйственном комплексе КНР.

3. Это послужило основанием в начале нового тысячелетия приступить в 2003 г. к реализации национальной Стратегии возрождения старопромышленной базы Северо-Восточного макрорегиона, которая потребовала серьезных финансовых и материальных ресурсов. Объем инвестиций в экономику макрорегиона с 2003 по 2015 г. увеличился в 10 раз. Эти усилия первоначально принесли свои результаты. В период с 2003 по 2013 г. экономический рост трех северо-восточных провинций в большинстве лет был выше, чем в среднем по стране, что дало основание назвать этот период «золотым десятилетием» Северо-Востока (Чэнь, 2017).

4. Однако в дальнейшем импульс для развития Северо-Востока, приданный этой стратегией, был исчерпан, и макрорегион стал развиваться темпами, заметно ниже среднекитайских.

Усилились неблагоприятные демографические и миграционные тенденции, в результате население провинции Хэйлунцзян сократилось с 2010 по 2020 г. на 6,5 млн человек, Цзилинь – более чем на 3 млн, а Ляонин – более чем на 1 млн человек. К 2020 г. разрыв между севером и югом в региональном развитии снова увеличился: три северо-восточные провинции больше не стали входить в первую десятку провинций и муниципалитетов материкового Китая по уровню ВРП на душу населения, провинция Ляонин опустилась на 17-е место, а Цзилинь и Хэйлунцзян – соответственно на четвертое и второе места с конца.

В этот период в Северо-Восточном макрорегионе институциональный механизм не был затронут вообще или был затронут лишь частично (например, облегчение долгового бремени государственных предприятий и проч.) (Чэнь, 2017).

5. В этих условиях Центральный комитет КПК и Правительство КНР приняли решение о корректировке принятой Стратегии возрождения старопромышленной базы Северо-Востока. В 2016 г. ЦК КПК и Государственный совет подготовили документ «Несколько мнений о всестороннем возрождении Северо-Восточного региона и других старых промышленных баз», в котором была произведена оценка результативности стратегии возрождения Северо-Востока и поставлены новые задачи (в частности, по оптимизации активов местных государственных предприятий в трех северо-восточных провинциях).

6. Названные выше китайские исследователи подчеркивают, что экономический спад на Северо-Востоке не был связан с нехваткой природных ресурсов и в целом не являлся результатом слабости промышленной базы как таковой. Здесь действовали другие законы и ограничения развития.

Так, анализ показал, что решающее воздействие на процессы ухудшения экономической ситуации на Северо-Востоке Китая стал оказывать структурный фактор – реализация здесь во все прошлые периоды развития Нового Китая стратегии приоритета тяжелой промышленности. Явившись основой бурного развития этого макрорегиона с начала 50-х годов прошлого века, «утяжеленная» структура промышленности в настоящее время становится тормозом для дальнейших преобразований. Как только приоритетное развитие тяжелой промышленности было выбрано в качестве стра-

тегической цели экономического развития, здесь сформировались искаженная макроэкономическая и политическая среда, высокоцентрализованная система планирования и распределения ресурсов, а также механизм микробизнеса, лишенный автономии.

Интересный взгляд на эту проблему отражен в исследованиях профессора Чан Сюцзе из Китайской академии макроэкономических исследований Государственного комитета по делам развития и реформ КНР. Он отмечает (Чан, 2021), что современное состояние развития Северо-Восточного Китая – это не только «ржавый пояс роста», но и «ржавый пояс институтов», «ржавый пояс структуры» и «ржавый пояс цивилизации». Согласно общим законам рыночной экономики, при условии достаточной эластичности и устойчивости экономика обладает определенной способностью к самовосстановлению. Однако в Северо-Восточном Китае из-за существования «тройного ржавого пояса» экономика не имеет достаточной гибкости в распределении ресурсов, а ее способность к самовосстановлению относительно слабая. Здесь чаще, чем в других регионах, возникают более серьезные экономические и социальные проблемы. Для возрождения Северо-Востока необходим новый путь, т.е. выход из жесткой ловушки отмеченных «ржавых поясов».

Чан Сюцзе не случайно использовал определение «ржавый пояс». Это понятие широко применяется для обозначения некогда успешных промышленно развитых регионов, которые пришли в упадок. Наиболее известные примеры – это территории части Среднего Запада и Восточного побережья США, некоторые районы Великобритании, Германии и Франции. Но в отличие, например, от «ржавого пояса» Пенсильвании¹, где были закрыты десятки металлургических заводов и шахт, не выдержавших конкуренции с возрождавшейся сталелитейной промышленностью Японии

¹ Во время командировок в США мы знакомимся с опытом кардинальной переспециализации «ржавого пояса» Питтсбурга – одного из бывших лидеров американской металлургии. Реализация в 60-80-е годы прошлого века проектов «Возрождение» и «Возрождение-2», основной целью которых были улучшение качества жизни населения и защита окружающей среды, привела к тому, что из города «экологического бедствия» он превратился в победителя конкурса «Самый комфортный для проживания крупный город США» со специализацией на развитии финансовых и информационных технологий, высокотехнологичных производств, высокотехнологичной медицины и других современных услуг.

и других стран, предприятия тяжелой промышленности Северо-Востока КНР функционируют до сих пор.

Ли Пэйлин (Ли, 2022) отмечает, что исходя из международного опыта трансформация старых промышленных баз неизбежно является долгим и трудным процессом, который требует четкого понимания, решительных мер и достаточного терпения. Поэтому китайские аналитики тщательно изучают дефекты и пороки существующей экономической системы Северо-Востока КНР и приходят к следующим выводам:

- доля государственной экономики на Северо-Востоке излишне высока, и государственные предприятия играют чрезмерную роль;

- степень маркетизации невелика. Северо-Восточный макрорегион первым вошел в плановую экономику и последним выходит из нее. Поэтому идеи плановой экономики здесь укоренились особенно глубоко. Из-за неизжитого наследия плановой экономической системы и бюрократизации всей социальной системы у населения и предпринимателей Северо-Востока нет стремления «к духу договора и верховенству закона» (Ци, 2023);

- на Северо-Востоке наблюдается существенное отставание от остальной территории страны по развитию человеческого капитала. Это связано с демографическими и миграционными проблемами – старением населения, оттоком талантливой молодежи;

- активность научно-технических инноваций недостаточна, что в значительной степени сказывается на рыночном и экономическом спаде.

Мерами по преодолению этих проблем Северо-Востока видятся (Ци, 2023):

- ускорение темпов промышленной трансформации и модернизации, создание современной промышленной системы (структурная перестройка);
- синергетическое развитие – ускорение процессов модернизации системы обслуживания и управления в целях содействия развитию современных предприятий, отвечающих вызовам времени (снижение административного давления и нагрузки, внедрение новых систем управления и контроля на предприятиях на основе цифровизации и т.д.);

- ускорение и углубление реформ, усиление открытости внешнему миру и повышение уровня маркетизации экономики (в том числе за счет сокращения доли и снижения роли государственных предприятий, реформы в них смешанной собственности, активного развития малого и среднего бизнеса);
- усиление внимания к научно-технологическому развитию;
- внедрение политики, направленной на снижение нагрузки на человеческий капитал;
- ускорение строительства «счастливых домов» и повышение «индекса счастья» населения (в том числе за счет реализации стратегии развития городов и возрождения сельской местности, развития «зеленой» экономики, прорывов в медицинском и пенсионном обслуживании).

Следует также отметить инновационную управленческую инициативу по развитию межрегионального сотрудничества, которая заключается в организации взаимодействия северо-восточных провинций (Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян) с юго-восточными прибрежными провинциями (Цзянсу, Чжэцзян и Гуандун), четырех городов Северо-Востока – Шэньяня, Даляня, Чанчуня и Харбина с городами Пекин, Шанхай, Тяньцзинь и Шэньчжэнь для создания механизмов встречного сотрудничества (в том числе по подготовке кадров высшей квалификации) (Чэнь, 2017).

В целом, четыремя ключевыми пунктами возрождения Северо-Востока являются реформы, открытость, инновации и структурная перестройка.

Тем не менее при всех проблемных вопросах реализации стратегии возрождения Северо-Востока есть все основания полагать, что КНР сумела поддержать этот важнейший макрорегион страны. Без этих мер ситуация скорее всего была бы гораздо хуже. Главное, что партийное и государственное руководство Китая и местные органы власти воспринимают рекомендации ученых и экспертов по оценке новых рисков развития и будут их использовать при реализации усовершенствованных мер поддержки Северо-Востока.

Конечно, отмеченные проблемы развития этого макрорегиона проявляются лишь на фоне достаточно благополучной обстановки в целом по КНР, хотя в последнее пятилетие

и здесь наметился клубок сложных проблем в социально-экономическом развитии. По сравнению с другими странами с точки зрения динамики макроэкономических показателей ситуация на Северо-Востоке КНР более чем благоприятная. Здесь ведется масштабное (по нашему мнению, даже чересчур масштабное) жилищное строительство. Развивается академическая и университетская наука. Например, Харбинский технологический институт входит в десятку лучших университетов Китая, созданы Чанчуньские национальные научные лаборатории, которые в некоторых отраслях знаний (например в фотонике) занимают лидирующие позиции в стране. Особенно мощно развивается на новой основе промышленный комплекс провинции Цзилинь. К сожалению, пока не может найти новые точки роста провинция Ляонин, и даже ее прибрежное положение не спасает ситуацию. Тем не менее мы полагаем, что намеченные меры по преодолению «ловушек ржавости» приведут к тому, что Северо-Восток Китая вновь будет восприниматься как одна из мощных опор индустриального каркаса КНР, встроенного в развивающуюся систему трансграничных взаимодействий. Как отмечает профессор Гао Цзисян из Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР, реализация государственных политик «открытости на Север» Китая и «поворота на Восток» России приведет к укреплению позиций Северо-Востока в системе национальной экономики КНР (Гао, 2025).

4.3. Реализация Стратегии развития Западного макрорегиона КНР

В отличие от других макрорегионов Китая (Северо-Восточного, Центрального и Восточного прибрежного), которые характеризуются относительной гомогенностью входящих в них провинций, Западный макрорегион (Западная зона) весьма неоднороден по своему составу (см. рисунок 1). В него входят шесть провинций, один город центрального подчинения и все пять автономных районов КНР.

Это самый большой по территории макрорегион Китая (71,4% площади всей страны), в котором проживает 26,9% насе-

ления. Однако регионы Западной зоны Китая существенно различаются по плотности населения: если брать в расчет провинции и автономные районы, не включая город центрального подчинения Чунцин, то разница составляет 93 раза (провинция Шэньси с плотностью населения 238 человек на кв. км по сравнению с Тибетским автономным районом, где плотность населения составляет 2,5 человек на кв. км). В широтном разрезе регионы Западной зоны простираются от самых северных границ Китая (Синьцзян-Уйгурский автономный регион – СУАР и Автономный район Внутренняя Монголия – АРВМ) до самых южных (провинция Юньнань и Гуанси-Чжуанский автономный район). Этнические различия регионов Западной зоны дополняются сильными природно-географическими (горный Тибет, степи и пустыни СУАР и АРВМ) и климатическими (от резко континентального климата во Внутренней Монголии до тропического в Юньнани) различиями. Также здесь существуют большие межрегиональные различия в масштабах, структуре и эффективности производства.

Тем не менее в выделенных границах Запад Китая представляет собой объект единой государственной политики регулирования пространственного развития как макрорегион, долгое время развивавшийся менее высокими темпами по сравнению с Восточной прибрежной зоной страны. Конечно, в программных документах межрегионального стратегического планирования и управления КНР учитывалась специфика входящих в его состав провинций и автономных районов и, соответственно, различались методы и формы их государственной поддержки. Но фактом остается то, что именно с Западного макрорегиона начались масштабные акции Центрального комитета КПК и Правительства КНР по переформатированию пространственного развития страны.

По нашей просьбе ведущий исследователь Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР профессор Сюй Полин совместно с Сюй Цзяньхуэй подготовили для публикации в журнале «Регион: экономика и социология» заслуживающую пристального внимания статью «Влияние стратегии масштабного освоения Западного макрорегиона на пространственное развитие Китая: эффективность внутренней политики и проблемы». Отсылаем читателей к этому ма-

териалу (Сюй П., Сюй Ц., 2025), здесь лишь отметим несколько его важных моментов.

1. Западный макрорегион отставал в экономическом развитии в течение первых десятилетий реформ и проведения политики открытости по целому ряду исторических, природных и социальных причин. В 2000 г. валовой региональный продукт на душу населения составлял здесь лишь две трети от среднего показателя по стране и менее 40% от среднего показателя в Восточном прибрежном макрорегионе. Это свидетельствовало о сильно несбалансированном развитии КНР и представляло угрозу долгосрочной стабильности и процветанию страны.

2. С точки зрения устойчивого развития Западная зона Китая богата ресурсами и может обеспечивать большую ресурсную поддержку для экономического развития страны. В то же время экологическая обстановка в этом макрорегионе неустойчива, в частности серьезную проблему представляет опустынивание.

3. Цели реализации с 2000 г. Стратегии развития Запада КНР включали: содействие скоординированному с национальных позиций развитию региона; модернизацию производственного аппарата; развитие науки, технологий и инновационных производств; повышение качества человеческого капитала и акцент на поддержку «талантов»; повышение уровня жизни населения за счет ускорения развития и постепенное сокращение разрыва в развитии по сравнению с восточными прибрежными провинциями; обеспечение социальной стабильности и национального единства; решение экологических проблем и защиту окружающей среды на принципах устойчивого развития; модернизацию системы общественных услуг и их инфраструктуры. Особое внимание уделялось развитию потенциально высококонкурентных специальных отраслей промышленности и формированию открытости к международному сотрудничеству внутренних и приграничных районов.

4. Важнейшей спецификой Стратегии развития Западного макрорегиона является то, что в ней в центр внимания поставлен человек. Поэтому в стратегии особый акцент сделан на решении таких проблем, как региональное неравенство, неравенство между городом и деревней и неравенство в доходах. В результате принятых мер рост доходов населения в Западной зоне составил в среднем 14,4% в год, опередив среднекитайский показатель.

Официальный этап реализации Стратегии развития Запада начался в 2000 г. В 2010 г. ЦК КПК и Государственный совет КНР разработали документ под названием «Несколько мнений об углубленной реализации Стратегии развития Западного региона», в котором были четко определены уточненные приоритеты политики развития этого макрорегиона. В мае 2020 г. высшие руководящие органы страны издали «Руководящие мнения о формировании новых моделей путем продвижения развития Западного региона в новую эпоху». Характерно, что в последнем документе акцент смещается от экономического и промышленного развития к защите экологической среды, повышению уровня открытости внешнему миру и сокращению разрыва между Востоком и Западом в плане основных общественных услуг, инфраструктуры и уровня жизни населения.

5. С момента реализации указанной национальной стратегии развития Западный макрорегион достиг значительных успехов в социально-экономическом развитии и в определенной степени обратил вспять тенденцию увеличения разрыва в региональном развитии между восточными и западными регионами. Так, по нашей оценке, доля валового регионального продукта Западного макрорегиона в объёме национального ВВП увеличилась на 4,5 п.п. При этом в 2022 г. доля третичного сектора экономики в Западной зоне достигла 48,7%, превысив долю вторичного сектора, что свидетельствует о постепенной трансформации экономики этого макрорегиона в сторону сферы услуг (в том числе высокотехнологичных).

6. Для того чтобы отразить качество регионального экономического развития, профессор Сюй Полин и его коллега Сюй Цзяньхуэй построили «комплексный индекс высококачественного развития экономики Западного макрорегиона», который включал пять измерений: инновации, «зеленое» развитие, скоординированное развитие, открытое развитие и совместное развитие (Сюй, Сюй, 2025). Этот индекс был основан на синтезе 24 показателей экономического, научно-технического, социального и инфраструктурного развития территорий Западной зоны страны. Анализ данного индекса показал, что, например, экономическая зона Чэнду – Чунцин, являющаяся важным полюсом экономического роста в Западном макрорегионе, имеет значительно более высокий индекс высококачественного экономического развития, чем

соседние регионы. В то же время некоторые отдаленные автономные национально-этнические регионы отстают в экономическом развитии в силу исторических, культурных и географических причин. В результате юго-западная зона (провинции Сычуань, Шэньси, Юньнань, Гуанси, город центрального подчинения Чунцин), занимая 20% площади Западного макрорегиона, производит 67% его валового регионального продукта.

Сравнивая динамику развития провинций и автономных округов Западного макрорегиона на основе анализа данных Национального бюро статистики КНР по производству валового регионального продукта, мы пришли к выводу, что с начала реализации Стратегии развития Запада КНР наибольший вклад в увеличение доли этого макрорегиона в ВВП Китая в течение всего периода внесли город центрального подчинения Чунцин и провинция Шэньси. Наиболее быстрый рост Автономного района Внутренняя Монголия наблюдался до 2016 г., далее он замедлился. А провинция Сычуань и Синьцзян-Уйгурский автономный район, наоборот, ускорили свое развитие начиная с 2010 г.

В целом мы считаем, что сравнение тенденций развития Северо-Восточного и Западного макрорегионов выявляет много общих для них проблемных вопросов: это несбалансированность развития их провинций и автономных округов; трудности с трансформацией и модернизацией промышленности; серьезные недостатки в технологическом и инновационном потенциале; недостаточная степень открытости для внешнего мира; усиление давления на государственный долг; дефицит «талантов». В то же время, в отличие от Северо-Востока, этот макрорегион не нес на себе бремя «ржавых поясов», связанных с доминированием в структуре производства негибкой и архаичной тяжелой промышленности. Именно поэтому и институциональные проблемы стоят здесь менее остро, и результативность реализации национальной стратегии поддержки развития макрорегиона оказалась выше, чем на Северо-Востоке. И конечно, очень серьезный импульс развитию придало крупное инфраструктурное строительство, направленное на повышение связности всех территорий макрорегиона.

Более подробно направления и результативность модернизации регионов Западной зоны рассмотрена в разделе 7 на примере Автономного района Внутренняя Монголия.

5. ПРОГРАММНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ КНР: СПЕЦИФИКА СТРАТЕГИРОВАНИЯ

Формирование эффективных систем национального и регионального стратегического планирования и управления мы рассматриваем в качестве важнейших направлений современных моделей развития стран и регионов¹. Между тем в этой области государственного управления в Российской Федерации существует много проблемных вопросов. Наш анализ стратегических разработок в постсоветской России позволяет сделать вывод, что состояние дел в этой области гораздо лучше на региональном и муниципальном уровне, чем на национальном и межрегиональном (Селиверстов, 2013, 2024), (Крюков, Селиверстов, 2022). Так, анализ Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года и принятой в январе 2023 года Стратегии социально-экономического развития Сибирского федерального округа на период до 2035 года показал, что подобные программные документы стали формальным атрибутом недостаточно эффективной системы государственного регулирования пространственного развития Российской Федерации и государственной региональной политики и ее институтов. В таких условиях существуют серьезные риски стратегических просчетов в реализации курса на ускоренное развитие восточных районов России, Арктической зоны, других важных с геостратегических позиций территорий. Поэтому представляют особый интерес формат и качество основных программных документов развития КНР, ее макрорегионов, провинций и автономных округов.

¹ Автор имеет непосредственное отношение к этой проблематике. Являясь автором многочисленных публикаций (в том числе авторской монографии «Региональное стратегическое планирование: от методологии к практике»), он также был научным руководителем разработки стратегий и программ регионов и городов Сибири (Новосибирской области, Красноярского края, г. Новосибирска, г. Бердска) и одним из ведущих разработчиков проекта Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года, став за эту работу лауреатом премии им. Косыгина (в авторском коллективе) за большие достижения в решении проблем развития экономики России (2003 г.). В 2017 г. он стал победителем Всероссийского конкурса «Пионеры российского стратегирования».

Ранее, в 90-х годах прошлого века, во время научных командировок в провинцию Хэйлунцзян мы знакомимся с китайским опытом разработки программ и стратегий регионального уровня. Следует сказать, что они не производили должного впечатления, скорее напоминали шаблонные советские стратегические разработки с «китайской спецификой». За два последних десятилетия ситуация кардинально изменилась.

Во-первых, принятие в начале XXI в. государственных программ развития крупных территорий (в первую очередь стратегий и программ развития Западной и Северо-Восточной зон КНР), с одной стороны, заложило методологическую и идеологическую основу новой государственной региональной политики Китая (политики пространственного развития страны), с другой – послужило ориентиром для разработки программных стратегических документов китайских провинций и автономных районов.

Во-вторых, существенно изменилось качество главных программных документов национального уровня. Об этом свидетельствует наш анализ «Основных положений четырнадцатого пятилетнего плана народнохозяйственного и социального развития КНР и перспектив до 2035 года», принятых на XX съезде КПК¹. На 150 страницах этого документа (в русском переводе) мы обнаружили действительно комплексное, современное и стратегическое видение проблем и перспектив развития этой страны. «Основные положения...» состоят из 19 крупных разделов, включающих 65 глав, каждая из которых состоит из нескольких статей. Обращает на себя внимание, что вторым после вводного раздела, содержащего оценку итогов тринадцатой пятилетки (2016–2020 гг.) и формулировку идеологических и экономических целей развития КНР на период до 2035 г., стал раздел, посвященный ориентации Китая на научно-технологическое лидерство.

¹ См.: Основные положения четырнадцатого пятилетнего плана народнохозяйственного и социального развития КНР и перспективы до 2035 года – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 22.12.2024). (На кит. яз.).

Фактически это стало основой новой модели развития КНР. Несколько разделов посвящено проблемам пространственного развития, урбанизации, развития сельской местности. Хорошо представлены разделы по устойчивому развитию и «зеленой» экономике, по построению «цифрового Китая», разделы, посвященные социальной политике, в центре которой человек. В заключительном разделе «Основных положений...» описываются гарантии и механизмы осуществления намеченных планов (таблица 1).

Разделы, главы и статьи «Основных положений...» дополняют и развивают друг друга. В них не только содержатся целевые установки, но и обозначены направления их достижения. Например, в разделе по инновационному развитию сформулированы ключевые проблемы в передовых областях науки и техники, которые должны решаться на основе научно-технических инновационных платформ. С учетом этого выделены необходимые направления развития национальной научно-технической инфраструктуры, предложены механизмы научно-технических инноваций. Первоочередное внимание уделено необходимости поддержки фундаментальной науки.

Отметим две особенности рассматриваемого программного документа Китая. Первая состоит в том, что фактически в нем объединены стратегия социально-экономического развития, стратегия научно-технологического развития, стратегия пространственного развития, транспортная стратегия, а также стратегии реализации в Китае важнейших мировых трендов («зеленая» и «цифровая» экономика, устойчивое развитие, климатическая повестка и декарбонизация и т.д.). Конечно, в анализируемом документе указанные стратегии очерчены «широкими мазками», и полагаем, что для каждой из них имеются более детализированные программы с контрольными цифрами и конкретными мероприятиями. Но ценность данного документа состоит именно в комплексности и системности. Этого недостает методологии и практике российского стратегирования, когда разрабатываются и принимаются разрозненные и несогласованные стратегии национального уровня.

Таблица 1

Сравнение разделов Основных направлений 14-го и 15 пятилетнего плана социально-экономического развития КНР

Разделы Основных направлений 14-го пятилетнего плана социально-экономического развития КНР (Основные положения..., 2022)	Разделы Основных направлений 15-го пятилетнего плана социально-экономического развития КНР (Основные положения..., 2026)
1	2
1. Начало нового пути к всестороннему построению современной социалистической страны	1. Стремление создать новую главу в китайской модернизации
2. Приверженность инновационному развитию и комплексное формирование новых преимуществ в развитии	2. Построение современной промышленной системы для укрепления основ реального сектора экономики
3. Ускорение развития современной индустриальной системы, консолидация и укрепление основ реального сектора экономики	3. Ускорение высокоуровневой научно-технической самодостаточности и самоукрепления для руководства развитием новых качественных производственных сил
4. Формирование сильного внутреннего рынка и построение новой модели развития	4. Углубление строительства цифрового Китая для повышения уровня цифрового и интеллектуального развития
5. Ускорение цифрового развития и построение цифрового Китая	5. Создание сильного внутреннего рынка и ускорение формирования новой модели развития
6. Всестороннее углубление реформ. Построение социалистической рыночной экономической системы высокого уровня	6. Ускорение строительства высокоуровневой социалистической рыночной экономической системы для усиления импульса высокого качества развития
7. Приоритетное развитие сельского хозяйства и сельских территорий и всестороннее содействие возрождению сельских районов	7. Расширение открытости на высоком уровне для создания новой ситуации взаимовыгодного сотрудничества
8. Совершенствование стратегии новой урбанизации и повышение качества урбанистического развития	8. Ускорение модернизации сельского хозяйства и сельских районов и постепенное продвижение комплексного возрождения сельских районов
9. Оптимизация пространственной структуры экономики и содействие скоординированному региональному развитию	9. Оптимизация региональной экономической структуры для содействия скоординированному региональному развитию

Продолжение таблицы 1

1	2
10. Развитие передовой социалистической культуры. Укрепление «мягкой» силы национальной культуры	10. Стимулирование творческой жизнеспособности культуры всей нации для продвижения и развития социалистической культуры
11. Содействие «зеленому» развитию и гармоничному сосуществованию человека и природы	11. Совершенствование стратегий развития для содействия качественному развитию населения
12. Открытость внешнему миру на высоком уровне и новые горизонты взаимовыгодного сотрудничества	12. Укрепление мер безопасности и улучшение средств к существованию людей – устойчивое продвижение общего процветания для всех людей
13. Повышение качества жизни людей и содействие всестороннему развитию человеческого потенциала	13. Ускорение экономического и социального развития и комплексная зелёная трансформация для создания прекрасного Китая
14. Укрепление благосостояния народа и повышение уровня совместного управления и совместной деятельности	14. Продвижение модернизации системы национальной безопасности и возможностей для построения более безопасного Китая на более высоком уровне
15. Интеграция развития и безопасности в построении мирного Китая более высокого уровня	15. В назначенный срок реализовать намеченную к 100-летию юбилею Народно-освободительной армии Китая цель достижения высоких стандартов модернизации национальной обороны и вооруженных сил
16. Ускорение модернизации национальной обороны и вооруженных сил, достижение единства богатой страны и сильной армии	16. Развитие народной демократии на основе комплексного процесса и совершенствование системы верховенства права в социализме с китайской спецификой
17. Укрепление социалистической демократии и законности, совершенствование системы партийного и государственного контроля	17. Поддержание и совершенствование принципа «одна страна, две системы» для продвижения национального объединения
18. Приверженность принципу «Одна страна – две системы» и содействие воссоединению Родины	18. Укрепление гарантий для реализации планирования
19. Укрепление гарантий осуществления планов	

Вторая особенность заключается в том, что если в Стратегии пространственного развития России на период до 2025 года акцент сделан исключительно на поддержке крупных городских агломераций как основных генераторов экономического роста, то в анализируемом программном документе КНР комплексно и на принципах взаимодополнения рассматриваются проблемы приоритетного развития сельского хозяйства, сельских территорий и содействия возрождению сельских районов (раздел 7), вопросы совершенствования стратегии новой урбанизации и повышения качества урбанистического развития (раздел 8). Проблема ликвидации бедности также рассматривается не обезличенно, а в привязке к решению актуальных вопросов возрождения сельских территорий.

Что касается стратегических разработок регионального уровня, то мы их оценили на примере анализа программного документа «Экономическое и социальное развитие Автономного района Внутренняя Монголия: четырнадцатый пятилетний план и перспективы до 2035 года»¹. Мы сравнили его с документом национального уровня, о котором речь шла выше (см. таблицу 1). Сопоставление этих документов позволяет сделать следующие выводы.

1. В системе национального и регионального стратегирования КНР на уровне страны и ее административно-территориальных единиц (провинции, автономные районы и четыре города центрального подчинения – Пекин, Чунцин, Шанхай и Тяньцзинь) главным программным стратегическим документом являются «Основные направления социально-экономического развития» на очередную пятилетку и на долгосрочную перспективу. Раз в пять лет осуществляется разработка основных направлений развития на очередную пятилетку и, соответственно, на пять лет сдвигается горизонт долгосрочного прогноза. Тем самым в Китае на законодательном уровне закреплён принцип «скользящего планирования», попытки реализации которого осуществлялись в СССР.

¹ См.: *Экономическое и социальное развитие Автономного района Внутренняя Монголия: четырнадцатый пятилетний план и перспективы до 2035 года*. – URL: https://www.nmg.gov.cn/zwgk/zfxxgk/zfxxgkml/202102/t20210210_887052.html (дата обращения: 10.01.2025). (На кит. яз.).

Для крупных макрорегионов КНР, развитие которых требует особых форм государственного вмешательства и поддержки (Северо-Восток КНР, Западная зона КНР), разрабатываются стратегии долгосрочного развития, корректируемые примерно через 8–10 лет. Это скорее разовые акции, и нет регулярности в их разработке (равно как и в разработке стратегий развития макрорегионов и федеральных округов Российской Федерации).

2. Разделы национального и региональных стратегических документов («Основных направлений...») в существенной степени идентичны по своей сути. Например, «Основные направления четырнадцатого пятилетнего плана и перспективы развития Автономного района Внутренняя Монголия до 2035 года» сформированы на идеологической и методической базе национального плана. Но это не механическое дублирование, в среднесрочном плане и в контурах долгосрочного развития Внутренней Монголии отражены специфические для региона ресурсные и структурные особенности, его конкурентные преимущества, проблемы, вызовы и угрозы, конкретные инвестиционные проекты (см. раздел 7 аналитического доклада). Как отмечалось выше, в национальном плане с достаточной степенью детальности отражены все стороны развития КНР в единстве социально-экономических, научно-технологических, природно-ресурсных, этнонациональных, экологических и других аспектов, новых вызовов и угроз. Поэтому подобное «дублирование» направлений и содержания долгосрочных и среднесрочных планов национального уровня в планах административно-территориальных единиц, с одной стороны, формирует «пространственный разрез» реализации общегосударственных политик страны, с другой – обеспечивает региональный уровень целостным пониманием современных трендов развития, на которые нужно ориентироваться в управленческих практиках местных правительств.

3. При внешней схожести российской и китайской практик национального и регионального стратегирования по своей сути они существенно различаются. Например, стратегии социально-экономического развития субъектов Российской Федерации разрабатываются по типовой методике Министерства экономического развития РФ с выделением целей и подцелей различного уровня, реализация которых должна облекаться в соответствующие

программы. Как правило, эти цели для всех регионов идентичны (повышение уровня благосостояния населения, повышение эффективности региональной экономики и т.д.). Во многих случаях это слепое, шаблонное следование методике Минэкономразвития РФ, и в результате многие стратегии российских регионов практически неотличимы друг от друга, в них отсутствуют региональная специфика и уникальные для данного региона направления реализации его конкурентных преимуществ. И в отличие от китайских разработок, в них слабо представлен механизм реализации и контроля стратегических направлений развития. Стратегии китайских регионов, беря за основу тщательно проработанные национальные приоритеты, трансформируют их в эффективные программы действий, учитывающие региональную специфику.

Основное внимание в настоящем разделе мы уделили анализу «Основных положений четырнадцатого пятилетнего плана народнохозяйственного и социального развития КНР и перспектив до 2035 года», принятых в 2022 г. на XX съезде КПК (проект этого документа был разработан и начал обсуждаться в 2021 г.), Именно на этот программный документ мы обратили внимание, выдвигая гипотезу, что Китай в своей политике и практике стратегирования в значительной мере реализует ту модель развития, на которую следует ориентироваться России и ее макрорегионам и субъектам Федерации.

В соответствии с принципами «скользящего планирования», в 2026 г. был обнародован проект «Основных положений пятнадцатого пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики» (Основные, 2026). Ему предшествовала разработка «Предложений ЦК КПК по разработке 15-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития» (Предложения, 2025), принятые на 4-м пленуме ЦК КПК 20-го созыва в октябре 2025 г.

Это говорит о тщательности и этапности разработки проектов пятилетних планов и о важнейшей роли КПК в выработке стратегических направлений очередного этапа развития страны. Политические установки Центрального комитета КПК, предшествующие разработке указанных программных документов развития страны на очередную пятилетку – это не просто дань партийному протоколу. Указанные Предложения ЦК КПК – это сильный и тщательно проработанный самостоятельный программный до-

кумент (безусловно, с меньшей степенью детализации, но, тем, не менее, также комплексный и системный; так, его текст в переводе на русский язык составлял более 50 машинописных страниц).

Сопоставление основных направлений социально-экономического развития КНР на 14-ю и на 15-ю пятилетки позволяет сделать следующие выводы:

1) Проект плана социально-экономического развития Китая на 2026–2030 гг. (15-я пятилетка) основан на той же идеологии модернизации страны, которая была взята за основу в последнее десятилетие и, поэтому, основная его направленность базируется на достижениях 14-й пятилетки и адаптируется под новые вызовы. Об этом говорит сопоставление формулировок (названий) крупных разделов этих программных документов (см. табл. 1). На новую пятилетку сформулированы семь главных целей развития КНР:

- достижение заметных результатов в высококачественном развитии (т.е. за основу берутся не высокие темпы роста, но качество этого роста. Качественное развитие становится главной целью новой пятилетки – именно она не случайно поставлена на первое место в перечне целей);
- значительное повышение уровня научно-технической самостоятельности страны (достижение высокого уровня научно-технологического суверенитета);
- достижение новых прорывов во всестороннем углублении реформ (модернизация национальной системы управления; развитие динамичной рыночной среды; существенное улучшение институционализации, народной демократии и верховенства закона);
- заметное повышение уровня цивилизованности общества (укрепление системы социалистических ценностей; развитие культурных инноваций, творчества, духовной и культурной жизни);
- непрерывное улучшение качества жизни народа;
- новые значительные сдвиги в строительстве «Прекрасного Китая» (развитие «зеленой» низкоуглеродной экономики, эффективной энергетической системы с высоким уровнем экологической среды);

- повышение надежности «щита» национальной безопасности.

Проект плана 15-й пятилетки проникнут национальными слоганами «Цифровой Китай»; «Безопасный Китай»; «Здоровый Китай», «Прекрасный Китай». В качестве основного показателя развития закрепляется цель удержания среднегодового роста экономики на уровне около 5% и повышение доли потребительских расходов в ВВП.

2) В постановке целей и задач развития в очередной пятилетке по ряду направлений происходит заметное смещение акцентов. Так, по оценке Института статистических исследований и экономики знаний НИУ «Высшая школа экономики», «...если 14-й пятилетний план (2021–2025 гг.) был сосредоточен на обеспечении технологической безопасности и импортозамещении критических компонентов, базового ПО и промышленного оборудования, то 15-й план ориентирован на проактивное формирование новых технологических траекторий, развитие качественно новых производительных сил и «занятие стратегических высот в области науки и технологий». Т.е. план развития КНР на 2026–2030 гг. фиксирует ожидаемый сдвиг от технологической безопасности к технологическому превосходству Китая¹.

3) В условиях нарастающей депопуляции населения КНР 15-й пятилетний план социально-экономического развития пронизан задачами создания мощного «цифрового Китая» с масштабными стратегическими установками по развитию искусственного интеллекта – ИИ (с акцентом на создание «суверенного ИИ»). В стратегии (Китай, 2026) отмечается, что если «...в предыдущей пятилетке цифровая трансформация рассматривалась преимущественно как инструмент повышения эффективности, теперь же она становится самостоятельным драйвером формирования новой экономической модели».

4) Проект пятилетнего плана социально-экономического развития КНР на 2026–2030 гг. содержит не только формулировки целей и направлений развития, он также включает указания на реализацию конкретных крупных инвестиционных и инновационных проектов. Так, в нем перечислены 109 крупных нацио-

¹ <https://issek.hse.ru/news/1158587393.html> (дата обращения: 01.06.2026).

нальных проектов, которые охватывают как «жесткие инвестиции», так и «мягкое строительство», в т.ч. 23 проекта создания современной инфраструктурной системы, 28 проектов достижения нового качества развития производительных сил, 9 проектов интеграции городов и сельских районов, 25 проектов, направленных на повышение благосостояния населения, 18 проектов стимулирования «зеленой» и низкоуглеродной экономики, 6 проектов по обеспечению безопасности в ключевых областях.

Таким образом, наш опыт исследования системы государственного, межрегионального и регионального стратегического планирования и управления в КНР показал, что, в отличие от России, там более четко реализуются *принципы индикативного планирования*. При обсуждении проблем формирования эффективного индикативного планирования в рамках выполнения в Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН проекта «Экспертно-аналитические, организационные и методические составляющие системы индикативного планирования научно-технологического и сбалансированного пространственного развития России при реализации крупных инвестиционных проектов» д.э.н., проф. Н.А. Кравченко предложила такое определение индикативного планирования: «Индикативное планирование (ИП) – это форма экономического планирования, осуществляемого правительством для направления национальной экономики к определенным целям. В отличие от директивного планирования, когда правительство предписывает точные результаты, ИП предлагает цели и предоставляет стимулы частному сектору для достижения этих целей. Обычно оно характеризуется использованием прогнозов, проекций и рекомендуемых целевых показателей роста, а не строгим контролем. ИП прямо и косвенно влияет на инвестиционные решения и их согласование с экономическими приоритетами страны, часто в секторах, которые считаются критически важными для долгосрочного развития (например, инфраструктура, образование и технологии)».

Индикативное планирование в Китае фактически работает по таким же принципам и реализуется как мягкое управление ожиданиями и приоритетами с ориентацией на высокие темпы роста без жесткого централизованного принуждения. Основными особенностями индикативного планирования КНР являются

рыночная ориентация, долгосрочное целеполагание, гибкость и адаптивность, иерархичность, увязка с государственной политикой бюджетирования.

Полагаем, что именно по принципу индикативного планирования разрабатываются и исполняются национальные и региональные программные документы стратегического планирования в Китае. При этом, несмотря на гораздо более детальное представление в отмеченных выше программных документах КНР направлений развития на очередную пятилетку и на более длительную перспективу (по сравнению с российскими), губернатор китайской провинции фактически отчитывается перед ЦК КПК и Госсоветом только по двум основным характеристикам: росту производства и уровню жизни населения.

В Российской Федерации, в отличие от Китая, на верхнем уровне стратегического планирования уже довольно длительное время отсутствует стратегия социально-экономического развития страны. Разрабатываются отраслевые или «проблемные» стратегии (энергетическая, транспортная, пространственного развития, научно-технологического развития и т.д.), но их сумма (синтез) вряд ли может составить целостную и сбалансированную по целям и ресурсам национальную стратегию. По линии президентской власти выпускаются указы, формулирующие национальные цели развития (например, Майские указы 2012 г.). Существует система регулярно обновляемых национальных проектов, через которые финансируются важнейшие направления социально-экономического развития государства и его регионов. Тем не менее единого комплексного индикативного плана (стратегии) долгосрочного развития РФ не существует, и это в существенной степени влияет и на качество стратегического планирования на региональном и муниципальном уровнях.

Разработка и исполнение важнейших программных документов развития КНР и ее регионов сопровождаются мощной системой финансирования выделенных стратегических приоритетов, и они сопряжены с реализацией и финансированием крупнейшей трансграничной стратегической инициативы Китая «Один пояс – один путь». На этом фоне вспоминается заключительный абзац представления от Полномочного представителя Президента РФ в Сибирском федеральном округе в Правительство Российской Федерации

проекта первой в постсоветский период Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 г. Его смысл состоял в том, что «реализация данной стратегии не повлечет увеличения затрат государственного бюджета». Комментарии здесь излишни.

6. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ

6.1. Инфраструктурные проекты – основа связности и нового пространственного каркаса Китая

Усиление связности пространства особенно важно для крупных по территории стран и для их макрорегионов, таких, как Сибирь и Дальний Восток России, Запад и Северо-Восток Китая. Важно подчеркнуть, что связность территорий и пространства – это не просто транспортно-инфраструктурное сопряжение регионов. Мы считаем возможным расширить такое понимание связности, и трактуем ее как *степень и эффективность сопряжения, взаимодействия, взаимодополнения и интеграции частей экономического, социального, научно-технического, культурного и этно-национального пространства территориальных систем в разрезе их географических и административно-территориальных единиц, населённых пунктов и крупных хозяйственных объектов, а также как синергию природно-ресурсного и человеческого потенциала регионов, их транспортной доступности и расширяющегося пространства межрегиональных взаимодействий* (Seliverstov, 2021). Таким образом, связность является важнейшей характеристикой качества пространства.

Интегральная связность пространства означает также единство экономических, социальных, научно-технических, экологических, культурных, коммуникационных и т.д. процессов. В современных условиях усиливается роль цифрового развития и цифровой инфраструктуры как нового цементирующего элемента повышения связности пространства, региональные научно-инновационные системы становятся системообразующими основами технологического, интеллектуального и культурного единства, обеспечивая межрегиональную диффузию и трансфер знаний и инноваций.

Именно в таком расширительном контексте следует оценивать строительство внутристрановых и трансграничных транспортных коридоров. Их задача – не только формирование новых транспортно-логистических путей поставки грузов, но и формирование новых центров экономической активности вокруг этих транспортных коридоров. Такая трактовка привела к инициативам по формированию «экономических коридоров» на евразийском пространстве (в частности – Экономического коридора «Китай – Монголия – Россия»).

Однако усиление связности пространства требует крупных финансовых и материальных ресурсов и изменений в региональной политике, в ее институтах и механизмах. Недооценка важности этого направления в советский и постсоветский период привела к серьезным проблемам в транспортно-логистическом комплексе Азиатской России. Сегодня он не справляется с реализацией «восточного вектора» пространственного развития и трансграничных взаимодействий Российской Федерации. Пассивность государственной власти и бизнеса в этой области привела к ослаблению функции Сибири и Дальнего Востока как «моста» между Европой и странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Этот вакуум заполнил Китай реализацией стратегической инициативы «Один пояс – один путь», предусматривающей строительство нескольких масштабных транспортных коридоров, минующих Россию.

Основу связности пространства Китая составляют крупные инфраструктурные проекты. Выделим здесь три важнейших направления (Селиверстов, 2025а), (Селиверстов, 2025б).

1) Формирование современного мультимодального транспортно-логистического каркаса КНР. Наряду с масштабным строительством сети автомагистралей национального и регионального уровней, сети аэропортов, морских портов, главным направлением здесь остается формирование мощной сети железных дорог с современной логистической системой сопровождения пассажиро- и товарооборота (вокзалы, сортировочные станции, крупные складские комплексы).

В результате Китай стал бесспорным мировым лидером по развитию сети высокоскоростных и скоростных железных дорог. Так, в Основных направлениях экономического и социального развития КНР на 14 пятилетку была поставлена задача к концу 2025 г. обеспечить сетью высокоскоростных магистралей (ВСМ)

95% всех городов страны с численностью населения более 500 тыс. человек. При этом общая протяженность сети железных дорог КНР должна была составить 165 тыс. км, из них около 50 тыс. км будет приходиться на высокоскоростные магистрали. В 2023 г. общая протяженность ВСМ КНР составила 42 тыс. км, что почти в 10 раз больше, чем в занимающей второе место Испании. Даже в США протяженность ВСМ менее 2 тыс. км. Предполагается, что к 2035 г. сеть высокоскоростных железных дорог Китая увеличится до 70 тыс. км (Зуенко, 2023).

Высокоскоростные железнодорожные магистрали Китая отличаются три особенности:

- это, действительно, высокоскоростные дороги со скоростью, достигающей 350 км/час. В большинстве стран реальная скорость составляет 200–250 км/час. Например, в России существует только одна ВСМ «Москва – Санкт-Петербург» протяженностью 650 км, при этом только на одном участке скорость достигает 250 км/час, а средняя скорость по всему маршруту не превышает 200 км/час (т.е., по сути, эта ветка является скоростной – в китайской терминологии «дунчэ» 动车, а не высокоскоростной – «гаоте» 高铁 магистралью);

- в настоящее время все технологии высокоскоростного железнодорожного транспорта в КНР (поезда, механизированные комплексы прокладки магистралей и т.д.) – китайского производства (так, составы ВСМ производятся на заводе компании CRRC Group в г. Чанчунь на Северо-Востоке Китая) и Китай полностью импортонезависим в части технологических решений в области ВСМ, а также их производства¹;

- высокоскоростные и скоростные магистрали КНР пронизывают всю территорию страны вплоть до столицы Синьцзян-Уйгурского автономного района г. Урумчи и сооружаются даже в труднодоступных районах со сложным рельефом местности и в условиях высокогорья (рисунок 5). Так, в Китае действует самая высокогорная в мире и самая длинная на нагорье железная дорога, соединяющая столицу провинции Цинхай город Синин

¹ На первом этапе развития высокоскоростного железнодорожного транспорта КНР использовало японские, французские и канадские технологии компаний Kawasaki Heavy Industries, Alstom, Bombardier Inc.

и административный центр Тибетского автономного района г. Лхасу. В самой высокой точке дорога поднимается на уровень выше 5 тыс. м. В силу естественных причин скорость по дороге ограничивается 160 км/час.

– как отмечает И. Зуенко «... строительство ВСМ приобрело характер настоящего инфраструктурного чуда, став одновременно и локомотивом экономики, и одним из основных ... средств «собрать воедино» страну, до этого веками разделенную на субэтносы и диалекты». «Именно ВСМ позволили в полной мере реализоваться новой модели социальной мобильности, которая характерна для современного Китая» (Зуенко, 2023). Китайцами реализован принцип «поездка на поезде между крупными городами не должна занимать более 12 часов».

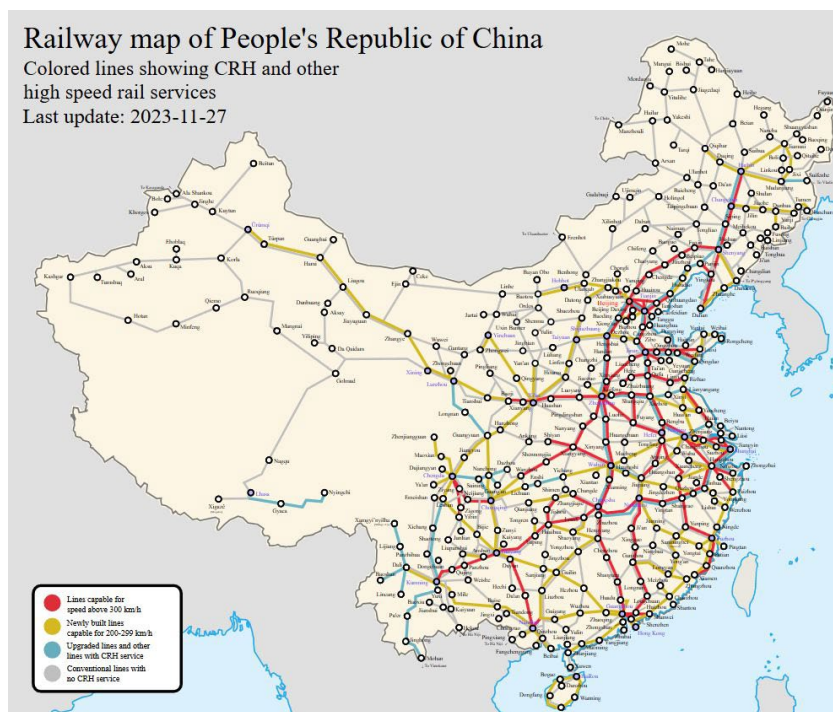

Рис. 5. Карта высокоскоростных железных дорог КНР

Источник: Wikipedia.

Помимо мощного железнодорожного сегмента транспортной инфраструктуры, в Китае ведется интенсивное дорожное строительство (качество их строительства кардинально улучшилось в последние десятилетия), на самом высоком уровне развивается авиационный транспорт и система международных и региональных аэропортов.

В нашей статье (Селиверстов, 2025a) мы показали, какое колоссальное влияние на повышение связности китайского пространства оказало развитие сети высокоскоростных железных дорог. Возникает вопрос: применим ли в России китайский опыт их строительства? Для ответа на этот вопрос вновь воспользуемся квалифицированным аналитическим обзором И. Зуенко¹ с цитированием его отдельных фрагментов. Его ответ на поставленный вопрос, скорее отрицательный, и мотивация сводится к следующему:

1) «Исходя из китайского опыта, ВСМ имеют смысл только если, во-первых, создается не отдельная ветка, а целая сеть скоростных магистралей, а во-вторых, если скорость передвижения конкурентна относительно скорости передвижения на самолете Вложения в ВСМ в России могут быть эффективны только при создании сети, соединяющей несколько городов-миллионников, находящихся между собой максимум на расстоянии 1500–2000 километров. Во всяком случае, это следует из изучения китайского опыта, где время движения на ВСМ редко превышает 8–10 часов».

2) «Бурное развитие сети ВСМ стало не причиной, а следствием экономического бума в Китае... Китайское руководство решило воспользоваться «большой стройкой», чтобы обеспечить занятость населения и стимулировать экономический рост, постепенно замедлявшийся по мере преодоления «низкой стартовой базы» китайского капитализма ... Китайские ВСМ – это не про экономию средств, а как раз про капиталовложения, про стремление эффективно инвестировать имеющиеся (немалые) деньги, накопленные за десятилетия экономического процветания».

¹ См.: Зуенко И. Применим ли в России китайский опыт строительства высокоскоростных железных дорог? // Деловой журнал «Профиль». 21.09.2023. URL: <https://profile.ru/scitech/primenim-li-v-rossii-kitajskij-opyt-stroitelstva-vysokoskorostnyh-zheleznih-dorog-1388217/>.

3) «ВСМ – это не апгрейд действующих железных дорог, а полностью новые ветки, строящиеся по другим технологическим стандартам ... Именно бурное развитие сети ВСМ стало подспорьем для развития научно-технологического сектора КНР».

4) «За исключением некоторых относительно коротких линий, соединяющих города с населением под десять и более миллионов человек, все остальные ВСМ убыточны».

Т.е. итоговый вывод И. Зуенко, с которым мы солидарны, состоит в том, что реализация стратегической инициативы создания крупной сети высокоскоростных железных дорог имеет смысл при наличии обширных бюджетных резервов, которые в каком-то смысле некуда девать¹. Он пишет, что «... пример Китая убедительно показывает, что, кроме государства, никто больше не способен справиться с такой серьезной стратегической задачей, как создание сети ВСМ. Поэтому, оценивая перспективы российских ВСМ, мы должны прежде всего оценивать готовность государства сделать высокоскоростные железные дороги приоритетом своего инфраструктурного развития. А на данный момент целый ряд задач, например, развитие восточного полигона РЖД или интеграция новых территорий, выглядит гораздо более приоритетным».

Мировой опыт показывает, что ВСМ целесообразно строить для линий не более 1,5 тыс. км, причем на достаточно густозаселенных территориях. Именно Китай со своей пространственной топологией наиболее эффективно реализовал такую схему (хотя, как отмечалось выше, она в целом убыточна в традиционной системе оценки инфраструктурных проектов). Возможно, что в будущем Индия, которая вышла на первое место в мире по численности населения, сможет реализовать свой собственный проект масштабной сети ВСМ. Но для других стран, и в том числе для России, целесообразно строительство лишь единичных линий между крупнейшими и относительно недалеко расположенными городами.

¹ Это было справедливо для периода развития Китая с начала XXI века с беспрецедентными темпами экономического роста, породившими значительные бюджетные резервы и которые могли быть использованы для создания сети ВСМ. И, как было показано выше – это оказало сильный мультипликативный эффект на развитие многих секторов экономики и на развитие научно-технологического сектора страны. Современная ситуация в КНР, конечно, не столь радужна.

2) Развитие самой мощной в мире системы гидротехнических сооружений, регулирующих национальную систему водопользования КНР.

Этот крупнейший в мире гидротехнический проект, имея многовековую историю в виде Великого канала Китая (первая очередь которого была начала работать еще в пятом веке до нашей эры), решал три проблемы: а) дефицита воды в северных районах; б) защиты от разрушительных сезонных паводков – в южных; в) создания материальных основ интеграционных взаимодействий и связности Севера и Юга Китая. Интересную и систематизированную информацию по этому проекту представил К. Щепин (Щепин, 2024).

В Китае более 80 процентов водных ресурсов сосредоточены в бассейне реки Янцзы и южнее. В то же время в развитых экономических районах Севера (в том числе в зоне сопряжения крупнейших городов Пекина и Тяньцзина) объем водных ресурсов на душу населения составлял лишь 10–12% от среднего по стране, и проблема вододефицита стояла здесь очень остро.

На необходимость «поделиться» частью водных ресурсов полноводной южной Янцзы с относительно маловодной северной Хуанхэ («Желтая река») указывал в свое время еще Мао Цзэдун. На подготовку детального ТЭО проекта ушло почти полвека, анализировались и сопоставлялись пять десятков маршрутов и инженерных решений, к работе было привлечено более двух тысяч ученых. В результате проект «переброски» части стока южных рек на север Китая стартовал в конце 2002 года. Что удалось сделать за прошедшее время:

а) за десять лет была реализована первая очередь (два маршрута – восточный и центральный) самого крупного в мире гидротехнического проекта стоимостью 500 млрд юаней в пространственном ареале с населением около 200 млн человек. В восточном маршруте использовалась в том числе сохранившаяся до сих пор инфраструктура древнего Великого канала;

б) решены сложнейшие технические вопросы обеспечения напора водостока за счет строительства 34 насосных станций, которые каждую секунду прокачивают 4500 кубометров воды;

в) за период реализации проекта в засушливые северные районы КНР передано более 120 млрд кубометров воды (два годовых стока реки Хуанхэ). Решена экологическая проблема на юге, свя-

занная с последствиями мощных паводков и проблема водообеспечения в развитых районах севера. «Переброска» стока южных рек на север на 70 процентов обеспечила потребности Пекина в воде и на 100% – потребности в воде в другом крупнейшем городе центрального подчинения – Тяньцзине;

г) начата подготовка к реализации второй очереди проекта «переброски» китайских рек – по западному маршруту. Это будет гораздо более тяжелая задача из-за необходимости пересечения гористой местности с большими перепадами высот, что потребует сети водонапорных станций большой мощности. Полная реализация проекта завершится к 2050 году, и его «бенефициарами» станут около полумиллиарда человек.

Безусловно, что данный проект является сильным примером реализации государственной региональной и экологической политики КНР, направленной на решение сложных и крайне актуальных проблем крупных территорий страны и «модельным» примером повышения связности китайского пространства. Еще в древние времена (например в династии Сун) Великий канал символизировал путь объединения Севера и Юга. Сейчас проект «переброски» части стока южных рек на север с полным основанием может быть символом экономической и гуманитарной интеграции современного Севера и Юга КНР.

Мы не случайно рассмотрели этот пример. В нашей монографии (Селиверстов, 2013) мы описали попытку реализации проекта переброски части стока сибирских рек в засушливые районы Казахстана и Средней Азии. Если проект «китайской переброски рек» тщательно готовился и обосновывался в течение 50 лет, на закате существования СССР под мощным давлением партийного руководства южных республик, без должного обоснования этот проект практически в спешном порядке начал реализовываться. И лишь сильная и обоснованная позиция науки¹ и гражданского общества помешала этой авантюрной акции.

¹ Под руководством автора в ИЭОПП СО РАН осуществлялись расчеты по оптимизационной межрегиональной межотраслевой модели СССР, в которую «встраивались» различные варианты «переброски» части стока сибирских рек в южные республики. Было доказано, что реализация данного проекта будет иметь серьезные негативные последствия для экономики страны и, особенно, для сибирских регионов.

3) Развитие одной из самых мощных в мире систем цифровой связности пространства КНР и цифровой инфраструктуры.

Это – самостоятельная и очень важная особенность развития Китая, которая требует более подробного раскрытия в самостоятельных статьях, и автор готовит публикации по этой проблеме. Здесь лишь конспективно отметим следующее:

– цифровая связность пространства – важнейшее направление и результат реализации стратегии построения «цифрового Китая». Исследованию проблем цифровизации КНР посвящено много монографий, научных статей и публикаций в средствах массовой информации (например, Ма и др., 2019). В 2023 г. Госсовет КНР провозгласил, что развитие цифровой экономики является главным стратегическим приоритетом страны, и это направление последовательно реализовывалось в серии государственных программ, законов, мегапроектов (принятие в 2022 г. Плана развития цифровой экономики КНР до 2025 г. и плана развития национальной индустрии виртуальной реальности; создание в 2023 г. Государственного управления данных; принятие в 2025 г. «Стратегии цифровизации логистики до 2030 года» и т.д.)¹. В результате в 2023 г. объем цифровой экономики превысил 10% ВВП Китая. Страна прочно укрепилась на втором месте в мире после США по объему вычислительных мощностей и имеет шансы в будущем стать мировым лидером;

– Китай последовательно и во взаимосвязи реализует все направления развития цифровой экономики и цифрового общества: покрытие широкополосным интернетом всей территории страны; развитие сетей нового поколения (так, уже в 2019 г. сеть 5G охватила 50 городов Китая, превратив страну в мирового лидера по внедрению этой технологии); развитие электронной коммерции на базе крупнейших платформ электронной B2B-коммерции (Alibaba и др.); развитие «интернета вещей», блокчейна и цифровых сервисов для граждан (с 2022 г. Китай стал создавать

¹ Цифровая экономика Китая (2025). Tadviser. Государство, бизнес, экономика. 06.06.2025. https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%8F (дата обращения: 18.06.2025)

единый портал Госуслуг); создание «цифровых двойников» в самых разных сегментах; развитие беспилотного транспорта и др. Безусловным стратегическим приоритетом развития страны стали исследования, разработки и практические результаты по развитию искусственного интеллекта. В 2025 г. появился первый китайский бесплатный чат-бот на базе генеративного искусственного интеллекта, разработанный компанией DeepSeek, ставший сильным конкурентом мировому IT-бестселлеру ChatGPT и сильно выигрывавший у последнего по скорости и цене разработки и внедрения;

– китайское государство вкладывает феноменальные финансовые и материальные ресурсы в формирование инфраструктуры цифровой экономики и искусственного интеллекта. Так, в Китае сооружаются 10 крупных зон обработки больших данных (Big Data); площадки появятся в Пекине, Чжэцзяне, Аньхое и других регионах страны)¹;

– развитие цифровой экономики и укрепление «цифровой связности» оказывают существенное позитивное воздействие на пространственное развитие Китая, способствуют сокращению территориальных диспаритетов, выравниванию уровней жизни в провинциях, автономных районах и городах, сближают город и село, центральные и периферийные районы. Это влияет на общее повышение грамотности всех слоев населения, делая цифровые услуги доступными для всех. Практическая реализация концепций «Умных городов» выводит развитие ряда муниципальных образований КНР на принципиально новый уровень жизнеобеспечения, безопасности, комфорта и удобства. Важно, что интенсивное развитие цифровой экономики и инфраструктуры цифровой связности пространства реализуется не только (и не столько) в развитых индустриальных, научных и культурных центрах страны, но и в регионах КНР, считавшихся ранее «отсталыми окраинами». Автор убедился в этом при посещении Автономного

¹ Цифровая экономика Китая (2025). Tadviser. Государство, бизнес, экономика. 06.06.2025. https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%8F (дата обращения: 18.06.2025).

района Внутренняя Монголия (см. раздел 7). Крупнейшие технологические китайские и зарубежные компании (Huawei, Tencent, Alibaba и др.) создают мощные Центры обработки данных, хранилища больших данных, а также региональные штаб-квартиры в северных и северо-восточных провинциях и автономных районах КНР с учетом более прохладного климата и достаточных энергетических ресурсов;

– мощное цифровое развитие и цифровая экономика реализуются не только на территории КНР. Они распространяются и на трансграничные взаимодействия страны в форме «Цифрового Шелкового пути» (Лю, Авдокушин, 2023). Тем самым Китай вносит большой вклад в укрепление цифровой связности всего евразийского пространства.

Безусловно, что китайские особенности связности экономического, научно-технического, гуманитарного и этнонационального пространства КНР коррелируют с еще одним, достаточно специфическим направлением – *политико-идеологической и институциональной связностью Китая*, осуществляемой целенаправленной политикой КПК. Более подробно об этом будет сказано в заключительном разделе.

Инфраструктурные проекты усиления связности китайского пространства не только поглощали колоссальные объемы инвестиций, материальных и человеческих ресурсов. Они обладали большим мультипликативным эффектом и поэтому наряду с мощным жилищным строительством, решающим проблему выхода Китая на новый уровень качества жизни населения, эти проекты стали серьезным драйвером развития всей китайской экономики, обеспечили создание миллионов новых рабочих мест, стимулировали развитие новейших технологий (так, Китай стал бесспорным «законодателем мод» в области технологии, техники, управленческих и строительных новаций в области высокоскоростного транспорта).

Проводя аналогию с идеей «импульсных проектов» и «инвестиционных импульсов» проекта ИЭОПП СО РАН «Экспертно-аналитические, организационные и методические составляющие системы индикативного планирования научно-технологического и сбалансированного пространственного развития России при реализации крупных инвестиционных проектов», отметим, что

именно в Китае эта идея была реализована как в виде *крупнейших импульсных инфраструктурных проектов повышения связности китайского пространства, проектов экономических и транспортных коридоров*. Такой же характер имели проекты резкого роста ветровой и солнечной генерации в энергосистеме КНР.

В последние пятилетия Китай стал выходить на передовые в мире позиции по развитию «зеленой экономики» (это тоже крупнейший «импульсный проект»), а также стал безусловным мировым лидером по переходу на возобновляемые источники энергии с прогнозом их дальнейшего бурного роста. Так, к 2030 году по сравнению с 2024 годом генерация солнечной энергии увеличится в 4 раза, ветровой – более чем в 2 раза. В итоге доля возобновляемых источников в производстве электроэнергии составит 25% (сейчас в мире эта доля равна 15%), в которых более половины придется на солнечную и ветровую энергетику. Сейчас в Китае сосредоточено 80% мирового производства солнечных батарей (в основном во Внутренней Монголии) и ветровых генераторов. Дальнейшие планы еще более масштабные. По «ветру и солнцу» на 2035 год планируется достичь 3600 ГВт. Цель 2060 г. – достичь мощности ветроэнергетики в 5000 ГВт в рамках стратегии углеродной нейтральности.

В 15-м пятилетнем плане социально-экономического развития КНР (см. раздел 5) в качестве глобального инвестиционно-инновационного проекта, который во всех смыслах является «импульсным», рассматривается курс на перспективное мировое лидерство Китая в области искусственного интеллекта (ИИ). И этот курс вполне реален, так как ни одна из стран мира (даже США) скорее всего не сможет создать для полноценного развития ИИ такие колоссальные вычислительные мощности и дата-центры, поглощающие гигантские объемы энергии, которые будут под силу только Китаю (здесь как раз и скажутся возможности и потенциал бурного роста солнечной и ветровой энергетики). Правда, некоторые эксперты отмечают, что ИИ будет в Китае использоваться не только для решения экономических и социальных проблем (в первую очередь – демпфирования уже сегодня достаточно ощутимой депопуляции населения), но и для укрепления роли государственной и партийной власти и для тотального контроля за поведением граждан.

Следует подчеркнуть одну особенность китайских «импульсных проектов» национального уровня. При реализации значительной части из них «не работают» типовые критерии оценки экономической эффективности инвестиционных проектов. Но зато они выполняют другие социальные, политические и гуманитарные функции (например, сохранение единства китайской нации).

6.2. Наука и инновации и опора на человеческий капитал – «два крыла» для взлета китайской модернизации

В последние пятилетия доминантой развития КНР в целом, его провинций, автономных районов и четырех городов центрального подчинения стала опора на науку и инновации как основы для достижения Китаем мирового технологического лидерства. Фактически это стало базисом новой модели развития КНР. Особенно отчетливо эта ориентация была обозначена в решениях XX съезда КПК и в разделах анализировавшихся выше Основных направлений социально-экономического развития КНР на 14-ю пятилетку и на перспективу до 2035 г. и Основных направлений социально-экономического развития КНР на 15-ю пятилетку.

В достаточно короткий период времени Китай стал занимать передовые позиции в мире по ключевым направлениям науки и технологий, и он реально становится технологически суверенным государством. Сотрудники Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ рассмотрели приоритетные направления научно-технологической политики Китая за последние пять лет и выделили следующие ее приоритетные направления¹:

1) повышение конкурентоспособности китайской науки и технологий за счет создания масштабной инфраструктуры, связанной с поддержкой исследований и внедрением передовых технологий;

2) поддержка научных исследований (с акцентом на фундаментальные разработки);

3) государственное регулирование поддержки науки, инноваций и подготовки высококвалифицированных кадров;

¹ Как выглядит сегодня научно-технологическая политика Китая? <https://issek.hse.ru/news/989385251.html> (дата обращения: 08.11.2025).

4) внедрение новых технологий (в сфере цифровизации, создания новых материалов и т.д.);

5) устойчивое развитие с приоритетным направлением внедрения «зеленых» технологий;

6) формирование сильных компетенций человеческого потенциала, поддержка талантов, привлечение высококвалифицированных специалистов из-за рубежа.

Под сильным государственным контролем и с масштабной государственной поддержкой в Китае осуществляется развитие передовых научно-технических инновационных платформ (новое поколение искусственного интеллекта; квантовые вычисления; интегральные схемы; наука о мозге; геномные исследования и биотехнология; клиническая медицина и здоровье; космос, глубоководные и полярные исследования). Уже сейчас КНР опережает конкурирующие страны по многим направлениям критических технологий. В практике экономического развития четко прослеживается сдвиг концепции: от «Сделано в Китае» (Made in China) к «Создано в Китае» (Created in China).

Эффективно и с мощной финансовой поддержкой государства развивается академическая наука: Китайская академия наук, Китайская академия общественных наук; Китайская академия инженерных наук; национальные академии медицинской и сельскохозяйственной науки; сеть провинциальных академий наук, а также университетская и корпоративная наука.

Китай – одна из немногих крупных стран мира, которая избежала необдуманного реформирования академической науки, как это произошло в Российской Федерации и в большинстве стран постсоветского пространства. Здесь нет противопоставления академической, университетской и отраслевой науки, и поддержка фундаментальных исследований является одним из стратегических приоритетов страны. В перспективных планах государства ставится высокая планка по финансированию фундаментальной науки и, несмотря на сокращение темпов роста ВВП КНР, эта задача в целом выполняется. Так, в Основных направлениях социально-экономического развития КНР на 14-ю пятилетку и на перспективу до 2035 года ставилась задача довести в 2025 г. уровень финансирования фундаментальной науки до 8% от всех

затрат на НИОКР (R&D). Фактически эта доля составила 7,08% (в абсолютном выражении – 2778 млрд юаней).

Ядерная и космическая программа этой страны, вывод армии Китая на качественно новый уровень (истребители пятого поколения с впечатляющими техническими и боевыми характеристиками и т.д.), формирование мощнейшей электронной промышленности, объектов научной инфраструктуры класса мега-сайенс выводят эту страну на передовые позиции научно-технического прогресса. В Китае создаются крупнейшие объекты научной инфраструктуры, например HEPS (High Energy Photon Source) в Пекине, синхротрон 4 поколения с энергией пучка электронов 6 ГэВ и окружностью накопительного кольца 1360 м¹.

В результате Китай стал мировым лидером по количеству высокоцитируемых статей в международных научных журналах, по числу выданных патентов на изобретения, по развитию крупнейших научных инфраструктурных объектов класса MegaScience. Масштаб его затрат на исследования и разработки приближается к американскому уровню.

Процессы научно-технологического и инновационного развития имеют в КНР отчетливое пространственное измерение. Если раньше центры науки и инноваций концентрировались в центральных столичных и восточных прибрежных регионах, то теперь они более равномерно стали размещаться на территории страны, и этот процесс находит особое отражение в программных стратегических документах многих северо-восточных и западных провинций и автономных районов. При этом особый акцент делается на воспитании собственных «талантов»² и высококвалифицированных кадров, на привлечении талантов из других регионов и из-за рубежа, на предотвращении оттока талантливой молодежи. Сейчас конкуренция за человеческий капитал стала одним из

¹ Его достойный конкурент – Сибирский кольцевой источник фотонов (СКИФ) поколения 4+ в наукограде Кольцово Новосибирской области, хотя и уступает пекинскому синхротрону по характеристикам энергии и масштаба установки, зато здесь достигаются рекордные характеристики яркости и когерентности.

² Под «талантами» в КНР понимаются высокопрофессиональные (в конкретной области науки, знаний и технологий) и креативные кадры с сильной мотивацией самосовершенствования.

отчетливых трендов современного пространственного развития КНР, и здесь используются различные региональные стратегии формирования, закрепления и привлечения талантов.

Так, одной из форм является поддержка в регионах музейно-выставочной деятельности. В этом мы убедились при посещении музея Внутренней Монголии и Музея Науки и технологии в столице Автономного района Внутренняя Монголия г. Хух-Хото. Встреча с руководством этих музеев показала, что их важнейшая задача – приобщение детей и юношества к знаниям, творчеству и инновациям. Музейные комплексы Китая – работают на будущее, на формирование «экономики знаний» и на достижение страной технологического лидерства.

Мы не случайно остановились на вопросе ориентации Китая на научно-технологическом лидерстве. Во-первых, этот процесс коренным образом воздействует на пространственное развитие страны, предоставляя всем регионам (а не только наиболее развитым центральным и восточно-прибрежным) новые возможности в модернизации их хозяйственных комплексов, в реиндустриализации производства на новой технологической основе, в формировании новых точек роста (некоторые примеры такого развития рассмотрены ниже на примере Автономного района Внутренняя Монголия). Конечно, основной научно-технический потенциал и ведущие университеты страны исторически сконцентрированы в столичных городах центрального подчинения и в провинциях Восточной прибрежной зоны КНР, но осуществляются попытки пространственной децентрализации науки и инноваций, пока, впрочем, не слишком успешные и широко распространенные; Северные и Северо-Восточные провинции и автономные районы по-прежнему испытывают большой дефицит «талантов», усугубляемый миграцией талантливой и мотивированной молодежи в Пекин и в другие крупные города Восточной прибрежной зоны.

Во-вторых, мы видим большой потенциал сотрудничества России и Китая именно в научно-технологической сфере. Российская наука и российские разработки до сих пор являются сильным конкурентоспособным продуктом в Китае. Поэтому российской науке необходимо использовать «попутный ветер» китайской модернизации для «взлета» отечественных научных разработок и инновационных технологий (Seliverstov, 2024).

Новосибирский научный центр Сибирского отделения РАН, Россия

Территория – 122 км², население 200 тыс. человек

Более 40 институтов СО РАН, НГУ, 3 технопарк.

Приоритетные сегменты науки и инноватики: ядерные технологии; новые материалы: фотоника, лазерные технологии, микро, био-и нанoeлектроника; биотехнологии, генетические технологии и биофармацевтика; новые информационные технологии (обработка больших данных, искусственный интеллект) и др.

Чанчуньская зона высокотехнологического развития, КНР

Территория – 55 км², население 300 тыс. человек. 8000 предприятий, 14

университетов и колледжей, 15 научных лабораторий национального уровня.

Основные направления: биотехнологии и биофармацевтика, фотоника, информационные технологии, автомобилестроение, новые материалы.

Рис. 6. Сравнение научно-инновационных комплексов Новосибирского научного центра и Чанчуньской зоны высокотехнологического развития

Это возможно на основе взаимодействия передовых региональных научно-инновационных систем Российской Федерации и КНР. В этом мы убедились, знакомясь с опытом развития Чанчуньской зоны высокотехнологического развития и встречаясь с ее руководством. На рисунке 6 приводится сопоставление направлений развития и потенциала экосистемы «Академгородка 2.0» (нового этапа развития Новосибирского научного центра СО РАН) и Чанчуньской зоны высокотехнологического развития (северо-восточная провинция Цзилинь). В рамках трансграничных научно-технических взаимодействий может реализоваться потенциал российско-китайского сотрудничества в триаде «наука – университеты – наукоемкий бизнес» на принципах взаимодополнения, когда сильная система сибирской фундаментальной науки будет взаимодействовать с эффективной китайской системой трансфера технологий.

Между тем современное научно-техническое и инновационное сотрудничество России и Китая пока ориентируется на различные приоритеты:

- для России важнейшее значение имеет масштабное китайское инвестирование в создание объектов научно-инновационной инфраструктуры и в развитие высокотехнологичных производств в Российской Федерации, а также реализация совместных российско-китайских научных проектов;

- Китай больше заинтересован в привлечении в страну талантливых российских ученых с высоким научным статусом (академики, члены-корреспонденты, профессора) для проведения исследований в интересах КНР, а также в закупке перспективных российских научных и инновационных разработок, технологий и патентов для их использования в технологической сфере страны.

Поэтому необходимо соблюсти баланс между этими приоритетами и выработать политику паритетного научно-технического сотрудничества России и Китая, основанную на равноправном распределении эффектов сотрудничества между его участниками с двух сторон и на защите прав интеллектуальной собственности.

Важным направлением трансграничных научно-технических и образовательных взаимодействий является межуниверситетское сотрудничество Китая и России. Здесь существуют как сильные

«истории успеха», так и ряд сдерживающих факторов. В качестве примера эффективного межуниверситетского сотрудничества Российской Федерации с КНР можно привести опыт Новосибирского национального исследовательского государственного университета (НГУ). Отметим следующие цифры и факты, взяв за основу презентацию начальника управления экспорта образования НГУ Сагайдака Е.И.:

- ✓ в 2007 г. в НГУ был создан Институт Конфуция. Партнер: Синьцзянский университет (Урумчи, СУАР);
- ✓ 2011 г. – на базе НГУ создан первый в истории России и Китая китайско-российский институт (университет), ежегодно в нем обучается около 800 китайских студентов (в настоящее время – по четырем специальностям), которые получают два диплома о высшем образовании – китайский и российский. Китайский партнер – Хэйлунцзянский университет;
- ✓ 2012 г. – НГУ создал два русских центра в городе Урумчи и городе Карамай (СУАР), в которых ежегодно около 500 человек изучают русский язык;
- ✓ 2015 г. – создан международный класс в старшей школе города Карамай, в котором осуществляется совместная подготовка школьников в течение последних 3 лет обучения в средней школе;
- ✓ 2022 г. – НГУ принял первых китайских школьников в специализированную физико-математическую школу (СУНЦ НГУ);
- ✓ 2023 г. – целенаправленная работа со школами Китая (олимпиады на китайском языке по физике и математике; придание особого статуса китайским школам как базы по подготовке талантов для НГУ);
- ✓ 2023 г. – открытие представительства новосибирских университетов в КНР;
- ✓ 2025 г. – открытие представительства НГУ в г. Шэньчжэнь;
- ✓ 2025 г. – совместно с Чунцинским университетом создан китайско-российский научный центр фундаментальных исследований по математике, физике, механике.

Как видно из приведенных данных, развитие сотрудничества НГУ с университетами Китая подкреплялось внедрением в него элементов системы «сквозного образования, реализованной НГУ еще в советское время и основанной на отборе талантливых

школьников из разных регионов страны с помощью специальных олимпиад и их дальнейшее обучение в знаменитой на весь СССР Физико-математической школе-интернате при НГУ. Подавляющая часть выпускников ФМШ поступали в НГУ и именно они составляли «элиту» этого университета и во время обучения в нем, и позже в своей научной или бизнес-карьере. Т.е. в НГУ была на деле реализована концепция поиска и воспитания талантов со школьной скамьи, которая сейчас начала реализовываться в Китае.

Основой научно-образовательного сотрудничества НГУ с КНР являются совместные учебные программы. Они реализуются с Синыцзянским университетом по направлению «филология»; с Северо-Западным политехническим университетом и с Северо-Китайским электро-энергетическим университетом – по информационным технологиям; с Пекинским нефтяным университетом – по менеджменту.

Ряд совместных программ одобрены министерствами образования России и Китая (с Хэйлунцзянским и Чунцинским университетами, с Цзянсийским педагогическим университетом). Всего в настоящее время НГУ реализует 21 совместную программу с Китаем. К 2030 г. общая численность китайских студентов, обучающихся в НГУ, достигнет 2,8 тыс. человек (всего в Новосибирском госуниверситете сейчас обучается около 8 тыс. студентов).

Показательно, что межуниверситетское сотрудничество НГУ с Китаем – это не «улица с односторонним движением». Новосибирский государственный университет не только участвует в формировании кадров высшей квалификации для КНР, вписываясь в государственную стратегию «поддержки талантов». На взаимовыгодной основе организуются встречные потоки межуниверситетских обменов (так, группы специально отобранных российских студентов и преподавателей НГУ регулярно выезжают в г. Харбин в Хэйлунцзянский университет для обучения по специальным программам обмена). Обычная же российская практика часто сводится к индивидуальным усилиям конкретных молодых людей проходить процедуру отбора и персонально поступать в университеты Китая.

В то же время следует объективно отметить, что отмеченные связи НГУ с университетами КНР не затрагивают университеты из списка «Топ-10 университетов Китая» (Пекинский университет, Университет Циньхуа, Университет Фудань, Шанхайский

университет Цзяо Тун, Чжэцзянский и Нанкийский университеты, Харбинский политехнический институт и др.). Совместные программы и проекты с ними реализуют столичные вузы – МГУ, МФТИ, СПбПУ, МАИ, НИУ «Высшая школа экономики». С другой стороны, сотрудничество НГУ ориентировано на университеты приграничных с Россией регионов Китая (СУАР, провинция Хэйлунцзян), и это отвечает стратегическим направлениям трансграничных взаимодействий наших стран.

Еще одно интересное направление межуниверситетского сотрудничества России и Китая – создание «зеркальных лабораторий». Это новый формат научно-исследовательских взаимодействий, когда научные команды из разных университетов создают параллельные копирующие исследовательские группы для работы над общей задачей. Примерами являются межрегиональные партнерства Высшей школы экономики и международные альянсы проектов НГУ. Чаще всего их финансирование осуществляется китайской стороной.

Новый этап научно-технического прогресса, «взрывной» характер развития цифровой экономики и искусственного интеллекта в современных условиях существенно ослабляют значимость «языкового барьера» в научном и межуниверситетском сотрудничестве России и Китая. По сравнению с прошлыми периодами существенно возросло владение китайской молодежи английским языком, что также усиливает коммуникационные возможности сотрудничества. Наибольший эффект достигается, когда с каждой стороны формируются совместные команды академических институтов и университетов. Примером является сотрудничество институтов Новосибирского научного центра СО РАН и НГУ с группой китайских исследователей по биоинформатике и искусственному интеллекту, «ядром» которой является Чжэцзянский университет КНР.

Давая общую оценку современного состояния научно-технического и инновационного сотрудничества России и Китая, следует отметить, что оно пока ориентируется на различные приоритеты:

- для России важнейшее значение имеет масштабное китайское инвестирование в создание объектов научно-инновационной инфраструктуры и в развитие высокотехнологичных производств

в Российской Федерации, а также реализация совместных российско-китайских научных проектов;

– Китай больше заинтересован в привлечении в страну талантливых российских ученых с высоким научным статусом (академики, члены-корреспонденты, профессора) для проведения исследований в интересах КНР, а также в закупке перспективных российских научных и инновационных разработок, технологий и патентов для их использования в технологической сфере страны.

Поэтому необходимо соблюсти баланс между этими приоритетами и выработать политику паритетного научно-технического сотрудничества России и Китая, основанную на равноправном распределении эффектов сотрудничества между его участниками с двух сторон и на защите прав интеллектуальной собственности.

В инициировании и реализации такой политики важную роль играет «научная дипломатия». Именно она должна показать (и доказать) китайским партнерам, что российская наука – достойный партнер для трансграничных научно-технических взаимодействий России и Китая на принципах паритетности, взаимодополнения и открытости. Научная дипломатия базируется на демонстрации реального потенциала и реальных компетенций академической науки, университетов и наукоемкого бизнеса стран-участниц и на выработке согласованной стратегии и тактике сотрудничества.

Эффективным примером научной дипломатии является проведение Сибирским отделением РАН в лице Международного научного центра СО РАН по проблемам евразийских трансграничных взаимодействий серии международных конференций «Евразийские трансграничные экономические, научно-технические и экологические взаимодействия». Их организация и проведение является одним из главных итогов деятельности указанного Центра, и они способствуют тому, что именно Сибирское отделение РАН становится в настоящее время своеобразным «законодателем моды» в Российской Федерации по научному сопровождению процессов евразийской интеграции.

Так, 9–11 сентября 2025 г. в г. Иркутске состоялась III Международная конференция «Евразийские трансграничные экономические, научно-технические и экологические взаимодействия». Сопредседателями конференции являлись вице-президент РАН,

председатель СО РАН академик В.Н. Пармон, губернатор Иркутской области И.И. Кобзев, Президент Монгольской академии наук академик С. Дэмбэрэл и директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН академик РАН В.А. Крюков. Председателем Организационного комитета конференции и ее «идеологом» был директор Международного научного центра СО РАН по проблемам евразийских трансграничных взаимодействий д.э.н. В.Е. Селиверстов.

На конференции обсуждались проблемы меняющейся конфигурации трансграничных взаимодействий евразийских стран, международное научно-техническое и экологическое сотрудничество с учетом глобальных вызовов и угроз, позиционирование Сибири и ее регионов в новых геополитических и экономических условиях и в системе трансевразийской интеграции. Был обеспечен высокий уровень участников конференции – руководство региональных отделений Российской академии наук и национальных академий наук евразийских стран, ведущие ученые в области международных экономических и научно-технических взаимодействий, руководители региональных органов власти и крупных компаний.

В конференции принял участие губернатор Иркутской области И.И. Кобзев, посол МИДа РФ по особым поручениям Ю.П. Сентюрин, вице-президенты Российской академии наук, председатели Сибирского, Уральского и Дальневосточного отделения РАН, академики В.Н. Пармон, В.Н. Руденко, Ю.Н. Кульчин, заместитель генерального директора по устойчивому развитию компании Эн+ И.С. Бахтина, главный экономист Государственной корпорации развития ВЭБ.РФ А.Н. Клепач и др. В форуме участвовало около 20 академиков и членов-корреспондентов РАН и национальных академий наук евразийских стран. Всего в конференции очно участвовало 150 человек, в том числе 40 иностранных участников из КНР, Монголии, Белоруссии, Казахстана. Наиболее представительная делегация (около 30 человек) приехала из КНР, она включала руководство и сотрудников Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (КАОН), Института географии и исследования природных ресурсов Академии наук КНР, академий общественных наук провинций Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин, ведущих университетов КНР и инновационных компаний.

Рис. 7. Участники III Международной конференции «Евразийские трансграничные экономические, научно-технические и экологические взаимодействия»

На конференции были проведены пленарные заседания и пять секционных треков: 1) Трансграничные взаимодействия России, Китая и Монголии; 2) Трансграничные инвестиционные проекты. Евразийские экономические и транспортные коридоры; 3) Евразийский экономический союз: трансграничное сотрудничество и гуманитарные взаимодействия; 4) Воды без границ: диалог заинтересованных сторон в целях устойчивого трансграничного управления водными бассейнами; 5) Круглый стол «Международное сотрудничество региональных отделений РАН с национальными академиями наук евразийских стран: вызовы, возможности, проблемы, опыт лучших практик». На этих заседаниях и треках конференции было сделано 28 пленарных и 55 секционных докладов.

По сравнению с предыдущими конференциями, III Международная конференция «Евразийские трансграничные экономические, научно-технические и экологические взаимодействия» отличалась сильным участием крупных бизнес-структур. При этом компания Эн+ была не только генеральным спонсором конференции, но и активно формировала ее повестку, практически целиком сформировав программу проведения трека «Воды без границ: диалог заинтересованных сторон в целях устойчивого трансграничного управления водными бассейнами» и обеспечив его основными докладчиками. Важно, что подобные форумы стали не только площадкой для академических дискуссий, но и демонстрацией реального потенциала российского бизнеса, науки и высшей школы. Так, высокие компетенции сибирской науки в формировании инновационной экономики России были продемонстрированы в докладе директора Иркутского института химии им. А.Е. Фаворского СО РАН, и они были подкреплены научной экскурсией на Иркутский завод полимеров – современное высокотехнологическое предприятие Иркутской нефтяной компании.

Конференция прошла на самом высоком научном и организационном уровне, она действительно стала одним из важнейших научных мероприятий Сибирского отделения РАН в 2025 году, имела большой общественно-политический резонанс и широко обсуждалась в средствах массовой информации.

6.3. Трансграничные взаимодействия и их влияние на развитие китайских регионов

Новая модель развития Китая основана на принципах т.н. «двойной циркуляции», сочетающей в себе ориентацию на поддержку внутреннего спроса и потребления и развитие международных экономических трансграничных взаимодействий. В такой модели внутренняя экономика, ориентированная на всевозрастающий спрос населения КНР, являясь базой развития государства, дополняет и развивает «международную экономику» страны.

Спецификой Китая последнего десятилетия является «встраивание» системы внешнеэкономических связей Китая, его регионов и компаний в Стратегическую инициативу «Один пояс – один путь» (ОПОП), идея которой была впервые озвучена Председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 году. За прошедший период эта инициатива интенсивно развивалась. Так, по данным проф. Ли Юцзюаня (Ли, 2021) только в 2015 г. общий масштаб инфраструктурных проектов в составе «Одного пояса – одного пути» достиг 1,04 трлн юаней (около 170 млрд долларов). В рамках экономического коридора ОПОП «Азия – Западная Азия» количество китайско-европейских грузовых поездов к 2020 г. достигло 12,4 тыс. (ежегодный рост в 50%), они перевезли более одного миллиона вагонов. Ожидается, что китайские компании в ареале «Одного пояса – одного пути» сформируют 46 зон сотрудничества. За десять лет инициатива «Пояс и путь» привлекла инвестиций почти в 1 трлн долларов, реализуется более 3 тыс. совместных проектов. По прогнозу Всемирного банка, развитие инициативы «Один пояс – один путь» к 2030 году обеспечит 420 тыс. рабочих мест в странах, расположенных вдоль маршрута. Реализацией данной инициативы Китай оказывает влияние и на развитие постсоветских республик Центральной Азии (Сунь, 2023, 2024).

Данная стратегическая инициатива реализуется в форме создания панъевразийских «экономических коридоров», материальной основой которых являются транспортно-логистические коридоры. Так, Экономический пояс «Шелкового пути» включает три маршрута, «Морского шелкового пути» – два маршрута. Китай предложил концепцию «шесть коридоров, шесть дорог, несколько стран и несколько портов» (Ли, 2021). Все это успешно реализуется, и в таком своем качестве «Один пояс – один путь» реально «цементирует» связность всего евразийского пространства (рисунк 8).

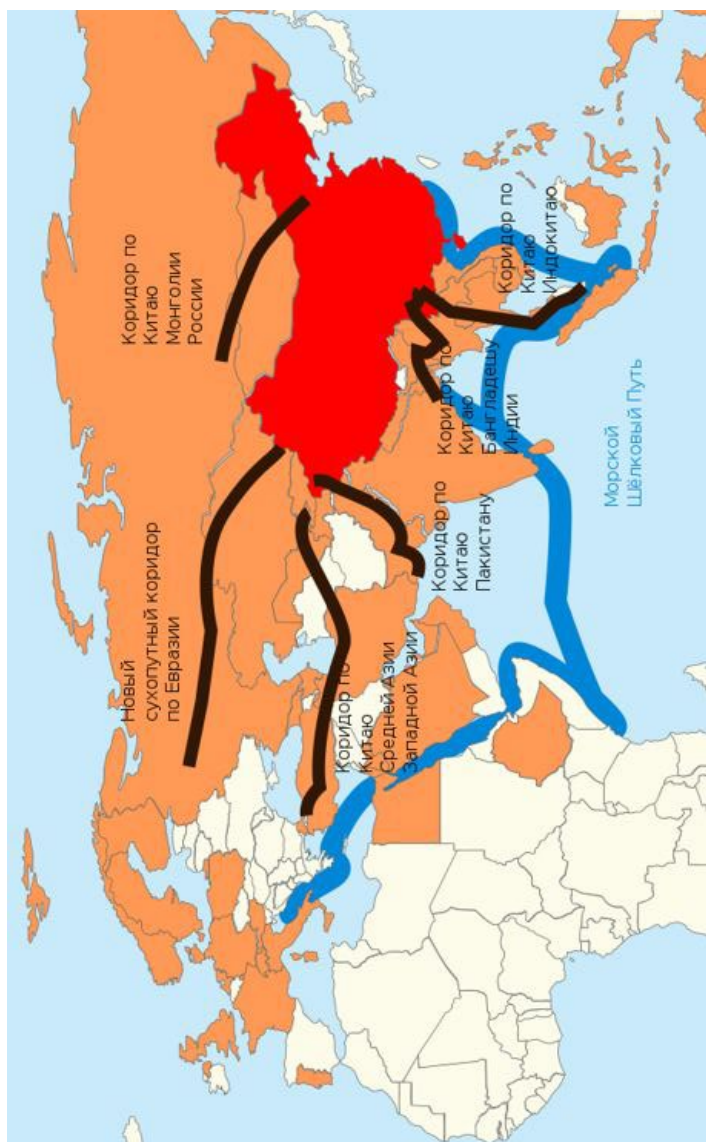

Рис. 8. Транспортные коридоры Китая в рамках реализации стратегической инициативы «Один пояс – один путь»
 Источник Wikipedia. Красным отмечен Китай, оранжевым – члены Азиатского банка инфраструктурных инвестиций.

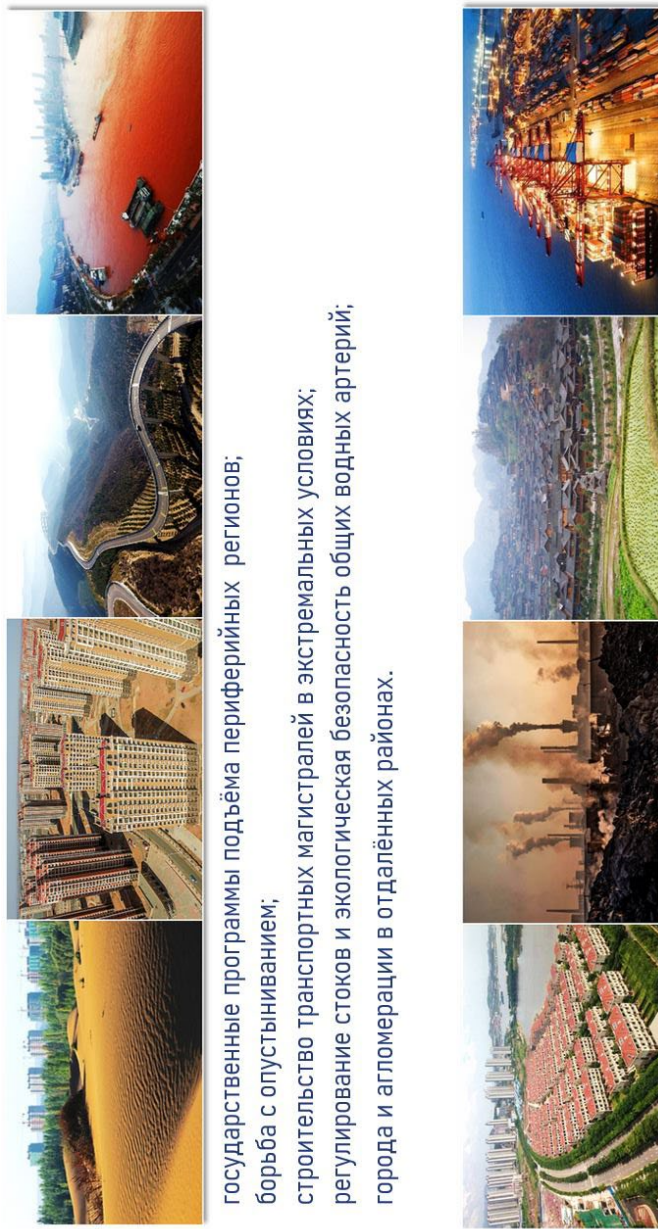
Почти одновременно с Китаем в 2015 г. Россия выступила со стратегической инициативой «Большого Евразийского партнерства», которая была поддержана лидерами многих стран. Однако она не имела масштабного финансирования и реальных трансграничных инвестиционных проектов и существенно проигрывала ОПОП в результативности.

Между тем китайские ученые (Ли, 2021), (Лю, Ци, 2018) видят большой потенциал сотрудничества и взаимодействия на основе «стыковки» этих инициатив и «встраивания» «Одного пояса – одного пути» в новый «восточный вектор» развития России, который четко оформился в последнее десятилетие.

Мы разделяем такую позицию и предложили для научного сопровождения трансграничных взаимодействий России и Китая ввести в научный оборот категорию «Северной Азии» (Пармон, Крюков, Селиверстов, 2020) как крупнейшего макро-региона евразийского континента (18 млн км²), объединяющего территории Сибири и Дальнего Востока России, северных и северо-восточных регионов КНР (провинции Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин, Автономный район Внутренняя Монголия, Синцзянь-Уйгурский автономный район), а также Монголии (рис. 9).

Эти территории имеют много общих черт: огромные пространства, суровые природно-климатические условия и низкая плотность населения; крупнейшие в мире месторождения полезных ископаемых; периферийный характер развития, удалённость от развитых экономических центров стран; отставание в социально-экономическом и научно-технологическом развитии. Все это требует реализации особой государственной региональной политики для их поддержки.

Мы полагаем, что существует огромный и неиспользованный потенциал трансграничного сотрудничества стран и регионов Северной Азии на основе инвестиционных проектов в сфере транспортной инфраструктуры, совместных производств по глубокой переработке добываемого сырья и топлива, новых материалов, реализации программы формирования Китайско-Монгольско-Российского экономического коридора (Селиверстов, 2024), реализуемого в рамках ОПОП и других инициатив.

- государственные программы подъёма периферийных регионов;
- борьба с опустыниванием;
- строительство транспортных магистралей в экстремальных условиях;
- регулирование стоков и экологическая безопасность общих водных артерий;
- города и агломерации в отдалённых районах.

Рис. 9. Общие проблемы развития регионов Северной Азии, требующие государственного вмешательства

Следует отметить, что в пространственном развитии КНР трансграничное и международное сотрудничество всегда оказывало существенное влияние на развитие крупных территорий страны. Так, резкий рывок в развитии восточных прибрежных регионов и городов в ходе реформ Дэн Сяопина и в последующие годы был возможен не только благодаря созданию здесь особых экономических зон и зон развития высоких технологий, но и благодаря преимуществам «морской экономики», когда прибрежные провинции получали сильные конкурентные преимущества в осуществлении транспортно-экономических связей со всем миром.

Современная концепция «Одного пояса – одного пути» четко ориентирована на то, что регионы Севера и Северо-Востока должны стать основными «операторами» трансграничного сотрудничества Китая с Россией, Монголией, странами Центральной Азии. Так, решениями КПК в качестве важного стратегического направления провозглашено «Движение на Север» и Автономный район Внутренняя Монголия определен здесь главным пилотным регионом строительства зоны свободной торговли и резкого усиления «северного» трансграничного сотрудничества КНР с Россией и с Монголией. Аналогичные задачи поставлены и для провинций Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин. Большие надежды связаны с участием КНР в развитии круглогодичной навигации по Северному морскому пути.

С началом реализации стратегической инициативы «Один пояс – один путь» китайские ученые и специалисты, по нашему мнению, излишне оптимистично оценивали возможности участия России в важнейших проектах ОПОП на основе сотрудничества регионов Северо-Востока КНР с дальневосточными и сибирскими регионами России (Лю, Ци, 2018). В том числе рассматривался как вполне реальный проект высокоскоростной магистрали «Китай – Европа», проходящей по территории России. Конечно, ряд проектов удалось реализовать (мостовой автомобильный переход «Благовещенск – Хэйхэ», железнодорожный мост через Амур «Нижнеленинское – Тунцзян» и др.), но многие другие проекты сотрудничества были или прекращены, или приостановлены, либо развиваются с недостаточной интенсивностью. Можно надеяться, что с окончанием острой фазы противостояния с «коллективным» Западом, многие из них будут реанимированы, появятся и новые проекты (например, проект Центрально-Евразийского транспортного коридора че-

рез Монголию и Западный Китай; строительство железных дорог на стыке Республики Алтай в России и Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР; продолжения строящейся магистрали «Кызыл – Курагино» с выходом в КНР).

Усиление эффектов трансграничных взаимодействий России и Китая возможно и на основе внедрения новых форм и механизмов экономической интеграции. В их числе стоит упомянуть анонсированный на Восточном экономическом форуме 2024 г. институт международных территорий опережающего развития (МТОР). Возможно, их реализация может быть более успешна, чем дальневосточный опыт формирования территорий опережающего развития (ТОР). Ведь здесь будут использоваться не только российские, но и китайские управленческие новации и механизмы стимулирования и регулирования¹; предполагается, что МТОР будут нацелены на поддержку трансграничных взаимодействий в сфере высоких технологий. Первые площадки для их размещения определены в Приморском и Хабаровском краях, Амурской и Еврейской автономной области.

В целом напрашивается вывод, что существует огромный и неиспользованный потенциал трансграничного сотрудничества России и Китая на основе инвестиционных проектов в сфере транспортной инфраструктуры, совместных производств по глубокой переработке добываемого сырья и топлива, новых материалов, реализации программы формирования Китайско-Монгольско-Российского экономического коридора, реализуемого в рамках ОПОП и других инициатив (Селиверстов, 2024).

Мы полагаем, что помимо своих основных геоэкономических функциональных целей – развития идеи «двойной циркуляции», формирования нового евразийского транспортно-логистического каркаса, совершенствования экспортно-импортной деятельности, трансграничные взаимодействия КНР через реализацию стратегической инициативы «Один пояс – один путь» безусловно преследуют

¹ При создании МТОР важно учитывать, как будут соотноситься международное и российское законодательство. Пока не вполне понятно, как будут реализовываться механизмы совместной российско-китайской защиты от санкционного давления («С МТОРа выдачи нет: закрытый реестр соинвесторов спрячет бизнес от вторичных санкций»). Известия, 18.09.2024 г. <https://iz.ru/1760013/dmitrii-alekseev/s-mtora-vydachi-net-zakrytyi-reestr-soinvestorov-spriachet-biznes-ot-vtorichnykh-sanktsii>).

другую важную, но не слишком афишируемую геополитическую цель Китая: формирования на громадных пространствах евразийского континента собственных «политических и экономических зон влияния». На это тратятся сотни миллиардов долларов, но руководство КНР, как мы считаем, уверено в конечной окупаемости этих вложений и инвестиционных инфраструктурных проектов.

7. МОДЕЛЬНЫЕ РЕГИОНЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ: КЕЙС АВТОНОМНОГО РАЙОНА КНР ВНУТРЕННЯЯ МОНГОЛИЯ

В конце августа 2024 г. по приглашению народного правительства Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ) автор принял участие во Всекитайском деловом симпозиуме по развитию Северных территорий в области экономики и торговли и в Ежегодном экспертном форуме «Важные плацдармы для экономического открытия Севера», которые состоялись в столице АРВМ г. Хух-Хото. Участие в этих мероприятиях дало возможность из первых рук узнать о современном развитии автономного района КНР Внутренняя Монголия, о его достижениях и перспективах и дополнило наши впечатления, сложившиеся во время прошлых командировок в этот регион.

Занимая третье место в Китае по площади (1,181 млн кв. км) после других автономных районов КНР – Синьцзян-Уйгурского и Тибетского, АРВМ заметно опережает их по масштабам и разнообразию природных ресурсов, по плотности населения и по общим объемам валового регионального продукта (ВРП). В 2023 г. при численности населения в 24 млн человек ВРП Внутренней Монголии составил 2462,7 млрд юаней, на душу населения – 102,7 тыс. юаней (14,5 тыс. долл. США). Среднемесячная заработная плата в городах АРВМ в этот период превысила 9 тыс. юаней (более 110 тыс. руб.). Рост ВРП автономного района в 2023 г. был зафиксирован на уровне 7,3% (в целом по КНР рост составил 5,2%)¹.

¹ Данные Национального бюро статистики КНР за 2023 г. URL: <https://www.stats.gov.cn/english/> (дата обращения: 11.10.2025).

В Автономном районе Внутренняя Монголия насчитывается более 120 видов полезных ископаемых, при этом запасы более 100 видов входят в десятку лучших в Китае, около двух десятков видов полезных ископаемых, таких как уголь и редкоземельные металлы, занимают первое место в КНР. Богатство региона составляют также его земельные ресурсы, пригодные для эффективного развития растениеводства и животноводства.

В выступлениях на деловом симпозиуме и на форуме председателя правительства (губернатора) Автономного района Внутренняя Монголия г-жи Ван Лися и руководителей министерств региона подчеркивалось, что бурный рост и модернизация производственного потенциала АРВМ осуществляются на основе современных методов управления и реализации шести целевых программ (проектов): 1) внедрения новой экономической политики; 2) контроля за опустыниванием; 3) интеграции ветровой и солнечной энергии и обеспечения теплоснабжения; 4) создания целостности (связности) пространства Внутренней Монголии; 5) технологического прорыва; 6) создания зоны свободной торговли.

Особый интерес для России представляют три последних проекта. Проекты по усилению связности (целостности) пространства Внутренней Монголии и по созданию зоны свободной торговли имеют самое непосредственное отношение к концепции усиления «северного» трансграничного сотрудничества КНР – с Монголией и Россией. Его важным «регионом-локомотивом» решениями КПК обозначена именно Внутренняя Монголия. Проект по технологическому прорыву связан с коммерциализацией научных разработок и опытно-конструкторских работ в базовых отраслях специализации региона.

Безусловно, сильный импульс развитию Внутренней Монголии дала реализация глобальной инициативы КНР «Один пояс – один путь», которая воплощалась с 2013 г. по линии развития транспортно-логистической инфраструктуры, модернизации и усиления международной торговли, развития современных механизмов финансирования через Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Трансграничные экономические и научно-технические взаимодействия АРВМ в первую очередь имели политическую и пространственную направленность на смежные районы Сибири,

российского Дальнего Востока и Монголии. Это послужило сильным драйвером приграничного сотрудничества и формирования новых транспортно-логистических коридоров, и здесь показателен бурный рост таких приграничных городов Внутренней Монголии, как Маньчжурия (Маньчжоули) на границе с Россией и Эрэн-Хото на границе с Монголией. Они являются современными транспортно-логистическими хабами экономического коридора Китай – Монголия – Россия и существенно опережают сопредельные города (поселки городского типа) России (Забайкальск) и Монголии (Замын-Уудэ) как по уровню социально-экономического и инфраструктурного развития, так и по современным технологиям массовой обработки грузов и пассажиропотоков.

Автономный район Внутренняя Монголия представлял для нас особый интерес как типичный регион ресурсного типа, который сходен по природно-климатическим и ресурсным условиям с регионами южной зоны Азиатской России, но, в отличие от последних, сумел реализовать эффективную программу модернизации и диверсификации производства. Здесь не только добывается уголь (регион занимает второе место в Китае по его добыче, которая достигла в 2023 г. 1,2 млрд т, что вплотную приблизило его к лидеру – провинции Шаньси, где добыча составила 1,35 млрд т), но и развивается эффективная углехимия. АРВМ входит в пятерку ведущих провинций Китая по добыче природного газа. Нефтегазовое месторождение Чанцин компании Petro China является одним из крупнейших в КНР, здесь в 2021 г. добывалась шестая часть общего объема добычи нефти и газа в стране. Внутренняя Монголия – национальный лидер по развитию «зеленой» экономики и ветровой и солнечной энергетики. Добыча кремния и мощное кремниевое производство позволили организовать здесь производство солнечных батарей национального масштаба. Мощно развивается транспортно-логистическая инфраструктура (в том числе с выходом на приграничные с КНР территории Монголии и Забайкальского края РФ). Очень эффективно развиваются традиционные отрасли с богатой историей – производство зерна, говядины, баранины, кашемира. Промышленный парк в г. Далад-Ци стал базой крупнейшей в Китае криптофермы пекинской компании Bitmain.

За 5 лет создан самый мощный в Азии и пятый в мире центр молочной промышленности. Реализуется концепция «Умного города», создан Национальный инновационный центр молочных технологий с сильными решениями в области геномной инженерии и биотехнологий

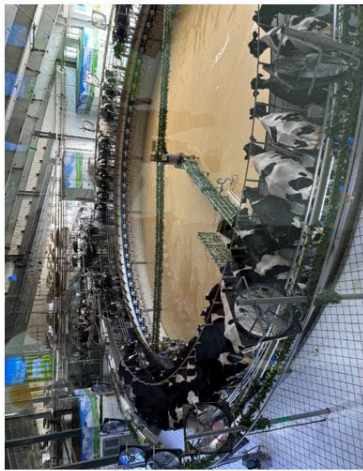

Рис. 10. Панорама Yili Future Intelligence and Health Valley (1-я очередь)¹ и инновационной фермы (фото автора)

¹ Источник: <https://baike.baidu.com/en/item/Yili/%20Modern/%20Smart/%20Health/%20Valley/65580>

Но наиболее сильный прорыв был совершен в развитии самой мощной не только в стране, но и во всей Азии базы молочной промышленности. В этом мы убедились, посетив комплекс Yili Future Intelligence and Health Valley (YFIHV, «Долина интеллекта и здоровья Yili Future»). Расположенный фактически в городской черте (примерно в 12–15 км от центра города), этот современный комплекс производства и инноваций в молочной промышленности является модельным примером развития суперсовременного производства, интегрированного с концепцией «умного города» (рисунок 10).

Выделим некоторые основные черты этого проекта.

1. Являясь ключевым проектом 14-го пятилетнего плана Автономного района Внутренняя Монголия и г. Хух-Хото, этот проект за короткий срок дал впечатляющие результаты. В настоящее время основная территория развития YFIHV занимает площадь в 38 кв. км с перспективой формирования «зоны скоординированного развития» площадью 120 кв. км. Проект реализуется как интеллектуальный и современный экологичный комплекс, объединяющий промышленность и городское поселение, обладающий широкой функциональностью и занимающий пространство, подходящее для бизнеса, проживания, обучения и туризма. Выполняется задача создания главного в КНР национального инновационного центра молочных технологий, национального центра тестирования молочных продуктов и других центров государственной значимости.

Проект реализуется крупнейшей китайской молочной компанией Yili, созданной во Внутренней Монголии и имеющей там основную производственную базу. Итогом первого пятилетнего цикла реализации проекта явилось создание в Хух-Хото уникального комплекса молочной промышленности XXI в., который по объему производства в последние годы вышел на первое место в Азии и на пятое место в мире. На одной площадке, которую мы посетили, в день перерабатывается 6,5 тыс. т молока.

2. Yili Future Intelligence and Health Valley является примером реализации проекта, каждый сегмент которого основан на прогрессивных результатах цифровой и «зеленой» экономики с ориентацией на достижение «нулевых выбросов углерода»

и с использованием современной генной инженерии и биотехнологии. Основное стадо коров и быков завезено из США и Канады, осуществляется его постоянное воспроизводство, при этом использование методов генной инженерии приводит к тому, что в процессе воспроизводства стада рождается 98% коров (что важно для молочного животноводства).

3. Технологическая база YFHV основана на использовании китайского оборудования и отечественных технологических линий.

4. Yili Future Intelligence and Health Valley интегрирует в себе промышленность, туризм и городские функции. Ожидается, что к концу реализации всего проекта (к 2035 г.) здесь будут созданы прямые и «косвенные» рабочие места для более чем 350 тыс. человек, что привлечет в регион в общей сложности 1 млн постоянного населения. С самого начала здесь воплощается концепция «умного города» с беспилотным общественным транспортом, интегрированной «умной» системой жизнеобеспечения, работы, отдыха и рекреации. YFHV уже сейчас стал национальным брендом «молочной Кремниевой долины» и настоящей «Меккой» делового и познавательного туризма.

Этот пример показывает, как из отсталой национальной окраины Внутренняя Монголия превращается в новый индустриальный район Китая с эффективным производством и с ориентацией на новые технологические тренды. АРВМ стал китайской «витриной» осуществления эффективной национальной политики. Очевидно, что решающую роль здесь сыграла целевая общегосударственная политика поддержки, реализуемая в виде специальных государственных программ. Однако и на уровне самого региона народное правительство АРВМ обладает достаточно мощными финансовыми ресурсами как для развития производственно-ресурсного потенциала, так и для реализации здесь социально-этнических программ (в том числе по поддержке национальной монгольской культуры и образа жизни коренных монголов).

Здесь поддерживается культ Чингисхана и Великой монгольской нации с уникальной историей. В результате, в отличие от Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР (СУАР) и Тибетского автономного района, национальный вопрос стоит не так

остро, здесь отсутствовали террористические акты, которые в свое время подавлялись в СУАР, процессы ассимиляции коренного населения осуществляются здесь с большей интенсивностью, чем в других автономных районах страны. Хотя численность монголов составляет около 17% населения АРВМ (4,2 млн человек), она почти в 1,5 раза превосходит численность коренной нации Монголии. С одной стороны, этот факт говорит о сильном потенциале сотрудничества АРВМ и Монголии, с другой – содержит в себе потенциальные риски сосуществования так называемых «разделенных народов».

Стоит также отметить особенности градостроительной политики Внутренней Монголии. Несмотря на то что АРВМ – это регион традиционной сельскохозяйственной ориентации, сейчас он имеет развитую сеть городов разного уровня, связанных современными автомобильными и железнодорожными магистралями (в том числе высокоскоростными железными дорогами). В целом он соответствует архитектурным стандартам КНР, но имеет при этом свою специфику.

Рис. 11. Музеи в г. Хух-Хото

Музей Внутренней Монголии (1) и Музей Науки и технологии (2). Расположены рядом с двумя театрами (3) и представляют собой единый архитектурный комплекс, выполненный в футуристическом стиле

Суперсовременные футуристические архитектурные формы (например, Музей Внутренней Монголии и Музей науки и технологий в Хух-Хото – рис. 11) сочетаются с традиционными монгольскими канонами. Столица АРВМ г. Хух-Хото (без сельских уездов численность его жителей составляет примерно 1,7 млн человек) и другие города региона характеризуются современными планировками с преимущественно высотной застройкой, широкими проспектами, развитой системой городского транспорта.

Что касается градостроительства, то стоит упомянуть один достаточно любопытный факт. Ранее в мировых СМИ Внутренняя Монголия позиционировалась как мировой центр «городов-призраков» (ghost cities, или ghost towns), при этом имелись в виду не бывшие развитые города, которые покинуло население, а новые современные города, где население практически отсутствует. Все это базировалось на репортажах и видеосюжетах из Канбаши – района городского подчинения городского округа Ордос. Утверждалось, что в этом городском поселении с современными высокотажными жилыми кварталами, развитой коммунальной и общественной инфраструктурой, построенными в 2003–2008 гг. и рассчитанными на 1 млн человек, проживало не более 20 тыс. человек. И это подавалось в качестве примера ошибочных градостроительных решений.

Реальная жизнь опровергла миф о самом крупном в мире «городе-призраке» Ордосе-Канбаши. Во-первых, решение о строительстве современного нового города в пустынной местности Внутренней Монголии было не ошибочным, а абсолютно обоснованным и стратегически верным. В этом районе АРВМ сосредоточены крупнейшие месторождения угля, сланцевой нефти и сланцевого газа, здесь мощные химия и нефтехимия, есть текстильное производство. Разработка крупнейших в стране месторождений энергетических ресурсов требовала привлечения значительного количества трудовых ресурсов. Для этого была нужна современная и с расчетом на перспективу жилищная инфраструктура. Финансово-ресурсные возможности государства и частных компаний без проблем позволяли реализовывать такого рода крупные инфраструктурные проекты.

Во-вторых, в первоначальных планах предусматривалось строительство всей жилищной и городской инфраструктуры Ордоса-Канбаши, рассчитанной на 1 млн человек. Но в реальности застройка была осуществлена только в рамках первой очереди проекта в существенно меньших (но все же впечатляющих) размерах.

В-третьих, первоначально цены на жилье были установлены на достаточно высоком уровне, что ограничивало приток сюда новых жителей. Тем не менее в итоге в настоящее время в Канбаши проживает уже более 150 тыс. человек и, по оценке, остается не так много нераспроданного жилья. Этот городской район имеет сильные перспективы дальнейшего развития (в последних прогнозах будущая численность его жителей оценивается в 500 тыс. человек).

Таким образом, Внутренняя Монголия демонстрирует пример того, как в современных условиях можно, опираясь на богатейшие природные ресурсы, их эффективно «монетизировать» на основе диверсификации производства и использования современных технологий. В результате по объему производства валового регионального продукта на душу населения (102,7 тыс. юаней) АРВМ занимал в 2023 г. более чем почетное восьмое место в стране среди всех провинций, автономных районов и городов центрального подчинения¹, и по этому показателю он находится на первом месте в Западном макрорегионе КНР.

В целом можно сделать вывод, что опыт АРВМ особенно важен для регионов Сибири и Дальнего Востока РФ (в частности, для Кемеровской области – как пример развития углехимии на базе крупных угольных месторождений, для Алтайского края, Омской и Новосибирской областей – как пример формирования крупнейшего в мире центра молочной промышленности, для всех регионов – как пример эффективного развития «зеленой» экономики, ветровой и солнечной энергетики и т.д.). Для федеральных и региональных органов власти и для

¹ После Пекина (200,3 тыс. юаней), Шанхая (190,3 тыс. юаней), провинции Цзянсу (150,5 тыс. юаней), провинции Фуцзянь (129,9 тыс. юаней), провинции Чжэцзян (125,0 тыс. юаней), Тяньцзиня (122,7 тыс. юаней), провинции Гуандун (107,0 тыс. юаней). Данные Национального бюро статистики КНР за 2023 г. URL: <https://www.stats.gov.cn/english/> (дата обращения: 11.10.2025).

экономических институтов РАН представляет интерес опыт эффективного регионального управления в АРВМ (в том числе на основе реализации национально-региональных проектов, например, проекта по повышению связности пространства Внутренней Монголии).

8. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫМ РАЗВИТИЕМ В КИТАЕ И В РОССИИ: ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ – РАЗНАЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ

Следует отметить, что в зарубежной и отечественной литературе проблемы пространственного аспекта китайских реформ незаслуженно оказывались в тени. Конечно, много монографий и статей было посвящено опыту бурного развития приморских провинций КНР, особое внимание зарубежных ученых и аналитиков было привлечено к Синьцзян-Уйгурскому автономному району (по причине остроты национального вопроса на этой территории). Но явно не хватало целостного взгляда на проблемы модернизации пространственной структуры экономики и общества КНР за последние четыре десятилетия.

И хотя выше мы отметили, что при сопоставлении России и Китая нельзя сравнивать несравнимое, необходимо указать на наличие двух общих проблем в развитии РФ и КНР, и они как раз относятся к их пространственной организации. Первая проблема определяется естественными природными и географическими условиями России и Китая как крупнейших по территории стран мира с очень большой дифференциацией их административно-территориальных единиц (республики, края и области в РФ, провинции и автономные районы в КНР) по природно-климатическим и этнонациональным условиям, обеспеченности ресурсами, транспортной доступности. При этом в России контраст сильнее из-за расположения значительной части территории в арктической зоне, тогда как ряд южных районов Китая находятся в зоне субтропиков.

Вторая общая проблема развития России и КНР – это сильный пространственный разрыв в уровнях экономического и социального развития их регионов, что требует реализации осознанной государственной региональной политики сглаживания пространственных диспаритетов. Поэтому основной целью настоящего аналитического доклада являлась экспертная оценка автором результативности реализации государственной региональной политики в двух странах.

Возвращаясь к проблеме пространственного разрыва в развитии Китая, следует отметить, что ее решение постепенно стало одним из важных направлений общегосударственной политики страны. При этом, как отмечалось выше, прибрежные восточные территории через морские порты смогли быстрее и эффективнее обеспечивать выход КНР в мировое экономическое пространство. В то же время В.А. Шупер (Шупер, 2026) отмечает, что в современных условиях «распадение глобализованного мира... с неизбежностью влечет развитие внутриконтинентальных связей в ущерб океаническим», и это оказалось справедливым и для КНР. То есть использование талассократической модели в этой стране на первом этапе реформ сменилось отчетливой ориентацией также и на континентализм, и фактически эти две философско-глобалистские концепции нашли отражение в двух мегапроектах «Одного пояса – одного пути»: «Экономическое пояс Шелкового пути» и «Морском шелковом пути XXI века».

В целом, можно следующим образом описать «четырёхгранную формулу» китайского успеха решения проблем пространственного развития:

- 1) использование колоссальных финансовых и материальных ресурсов на преобразование пространства страны и повышение его связности. Причем следует отметить, что эти ресурсы сформировались в том числе за счет несбалансированного пространственного развития на первых этапах китайских реформ;

- 2) наличие у высшего руководства страны политической воли к модернизации китайского пространства (экономического, социального, научно-технического, инфраструктурного и этнонационального) и восприятие импульсов этой воли местными элитами, бизнесом и гражданским обществом;

3) восприятие политическим руководством страны, ее провинций и автономных районов рекомендаций китайской науки и экспертного сообщества, которые обосновывали и представляли достаточно комплексные и взаимоувязанные элементы модернизации пространственного устройства КНР;

4) использование специфического института партийного контроля всех процессов развития страны и партийного регулирования этих процессов. Эта особенность институализации пространственного развития имеет важнейшее значение. Влияние КПК тотально, при этом достаточно эффективно. Во всех государственных структурах (в том числе на государственных предприятиях) секретарь парткома – первое лицо. Как отмечает В. Кашин, «Пекин приспосабливает нормы коммунистической идеологии к текущим интересам развития страны, и в результате партийные ячейки действуют в 68% негосударственных предприятий и 70% компаний с иностранным участием, работающих в Китае»¹. По инициативе и под руководством парткомов решения партийного съезда, важнейшие программные документы национального и провинциального уровней обсуждаются на общих собраниях коллективов всех организаций и предприятий страны, в научных учреждениях и университетах. Это касалось и Основных направлений социально-экономического развития КНР в XIV пятилетке и до 2035 года, где проблемы модернизации пространственного устройства страны были поставлены достаточно четко. Как писали классики, «идея, овладевшая массами, становится материальной силой», и Китай является тому подтверждением.

К этому нужно добавить специфические черты культурного кода китайской нации, формировавшиеся веками: трудолюбие, самоорганизованность, следование закону. И все это не могло не сказаться на результативности китайских реформ.

Прежде чем на качественном уровне сопоставлять результативность государственной политики регулирования пространственного развития России и Китая, дадим оценку того, как же

¹Кашин В. Красный капитализм: зачем самый богатый китаец вступил в компартию. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/369701-krasnyy-kapitalizm-zachem-samyy-bogatyuy-kitaec-vstupil-v-kompartiyyu> (дата обращения: 15.12.2025).

в реальности в этих странах происходил процесс сокращения пространственного разрыва в уровнях развития, взяв за основу сопоставления динамики производства валового регионального продукта на душу населения в административно-территориальных единицах верхнего уровня РФ и КНР (таблица 2).

В работе (Селиверстов, 2025б) мы отмечали, что реализация с начала XXI в. нескольких программ поддержки крупных макро-регионов страны приостановила процесс отставания их развития по сравнению с флагманом китайской модернизации – прибрежной Восточной зоной КНР¹. Данные таблицы 2 показывают, что на уровне административных единиц (провинции, автономные районы, города центрального подчинения) этот процесс проявился еще более отчетливо. Если в 2000 г. разрыв в уровнях развития составлял 12,8 раза (город центрального подчинения Шанхай по отношению к провинции Гуйчжоу), то к 2023 г. он сократился втрое и составил лишь 4,2 раза (город центрального подчинения Пекин по отношению к провинции Ганьсу). При этом в последние годы осуществляется разгрузка Пекина от нестоличных функций в рамках реализации программы совместного развития городов центрального подчинения Пекина и Тяньцзиня и провинции Хэбэй (Александрова, Хань, 2019).

Таблица 2

Разрыв в уровнях производства валового регионального продукта на душу населения среди административных единиц КНР верхнего уровня* и среди субъектов РФ, раз

Страна	2000	2005	2010	2023
КНР	12,8**	11,5**	5,8**	4,2***
Россия	22,2****	39,6*****	20,3*****	22,6*****

Примечания: * провинции, автономные районы и города центрального подчинения; ** Шанхай к провинции Гуйчжоу; *** Пекин к провинции Ганьсу; **** Тюменская область к Республике Дагестан; ***** Тюменская область к Республике Ингушетии.

Источник: расчеты автора на основе данных Национального бюро статистики КНР и Росстата РФ за 2000–2023 гг.

¹ При неоднозначной динамике развития северо-востока страны.

Ситуация в России практически противоположная: во-первых, разрыв в уровнях развития самых передовых и самых отсталых субъектов Федерации в разы больше, чем в КНР (Тюменская область более чем в 20 раз опережает по производству ВРП на душу населения самые отстающие национальные республики Северного Кавказа); во-вторых, в динамике этот разрыв не сокращается. Понятно, что лидерство Тюменской области определялось ее ведущей ролью в нефте- и газодобыче РФ и огромными доходами от поставок углеводородов на мировой рынок, часть которых оседала в этом регионе. Второй по уровню экономического развития субъект Федерации – г. Москва также кратно и устойчиво опережал самые отсталые районы по душевому производству ВРП (в 13–22 раза в разные периоды времени), резко увеличивая свою долю в ВВП России. Если бы не резкий рост численности населения Москвы, она вплотную приблизилась бы к Тюменской области по душевому производству валового регионального продукта.

Представленные данные в целом можно рассматривать в качестве метрики эффективности государственных политик пространственного развития России и Китая, и эти показатели весьма неутешительны для нашей страны. Причина, как мы полагаем, заключается в самой сути курса на сокращение пространственных разрывов в двух странах. Отметим основные и принципиальные различия РФ и КНР.

1. В Российской Федерации данная проблема решается на основе *выравнивания уровней социально-экономического развития субъектов РФ средствами бюджетного федерализма путем выравнивания уровней бюджетной обеспеченности регионов с помощью межбюджетных трансфертов*¹. В такой ситуации сам термин «выравнивание» (англ. levelling) ассоциируется скорее с механистическим подходом к решению проблемы. Сами российские регионы являются пассивными реципиентами

¹ Характерно, что в разных вариантах стратегий пространственного развития РФ проблема сокращения региональных диспаритетов то выдвигалась в качестве главной задачи региональной политики государства, то отходила на второй план. Так, в Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. основная целевая задача была сконцентрирована на поддержке развития городских агломераций как эпицентров экономического развития.

государственной поддержки, и ее уровень не зависит от результативности развития территорий. Частный бизнес никак не участвует в решении проблемы выравнивания, хотя зачастую именно крупные компании являются настоящими «хозяевами» тех или иных территорий. То есть в России большая часть доходов концентрируется в бюджете страны, а потом через систему межбюджетных отношений, трансфертов, дотаций и субсидий возвращается в регионы. Эта чрезмерно централизованная система лишает регионы стимулов к повышению эффективности своего развития, и субъекты Федерации предпочитают бороться за внимание и помощь федерального центра, нежели увеличивать свою конкурентоспособность.

Таким образом, ключевое участие федерального центра в решении проблемы выравнивания уровней развития территорий заключается в выделении дотаций на выравнивание, а также субсидий и субвенций. Также используются средства специального Фонда финансовой поддержки регионов.

2. В КНР *бюджетно-налоговая система намного более децентрализована*. Провинции и автономные районы обладают гораздо большими полномочиями по введению местных налогов и сборов. Практически отсутствует практика «нефинансируемых мандатов», когда регионам устанавливаются сверху различные задания в области социально-экономической политики, которые не подкреплены адекватным выделением финансовых ресурсов (в России такие примеры не являются редкостью). Очень важная особенность региональной политики Китая заключается в предоставлении регионам возможности самим устанавливать различные льготы для инвесторов (в том числе в рамках формирования локальных зон развития). Проблема сокращения разрыва в уровнях развития отстающих и передовых регионов решается на основе реализации государственных программ (стратегий) и целевых трансфертов, связанных с повышением эффективности развития территорий, решением экологических проблем, борьбой с бедностью. Применяются на этом пути и нефинансовые инструменты: разрешения на выпуск провинциальных облигаций, льготные кредиты, различного рода специальные нормативно-правовые режимы.

То есть китайские система государственного управления и политика выравнивания, с одной стороны, гораздо более децентрализованы. Связанные с этим мероприятия финансируются не только из средств государственного бюджета КНР, но и из бюджетов самих провинций и городов; крупный китайский бизнес также участвует в этом процессе. С другой стороны, такая система действительно решает конкретные социально-экономические проблемы регионов, а не просто «накачивает» их бюджеты дополнительными средствами.

Однако подобная система возможна и эффективна только в случае финансовой достаточности провинциальных и городских бюджетов в Китае. Здесь есть два основных канала, которые эффективно используются: а) китайские регионы очень активно формируют свои доходы за счет продажи прав на аренду земли (land leasing); такие доходы составляют значительную часть региональных бюджетов; б) активно применяется механизм заимствований. При этом государственный долг провинций формировался в основном через инвестиционные платформы региональных правительств (LGFV), и, хотя он и контролировался, существует опасность, что величина региональных долгов может оказаться чрезмерной. LGFV сейчас фактически превратились в главный источник финансового риска для КНР, их долг составляет десятки триллионов юаней. Поэтому в последнее время правительство КНР усилило контроль за практикой провинциальных займов, облигаций и инвестиционных платформ регионов.

В целом эксперты отмечают, что в политике и практике сокращения пространственной асимметрии Китай ориентируется на стимулирование региональных инициатив, тогда как Россия идет по пути централизации, контроля и единообразия.

3. Современным трендом интеграционных процессов в мире является *повышение значимости фактора пространства*, которое становится важнейшим стратегическим ресурсом таких крупных по территории стран, как Россия, Канада, Китай, США, Бразилия, Австралия. Ранее громадные пространства рассматривались как барьер для эффективного развития стран, поскольку требовались значительные затраты на их преодоление при осуществлении хозяйственной деятельности (строительство транс-

портных магистралей, перевозка грузов и пассажиров и т.д.). Сейчас такой барьер преодолевается благодаря колоссальному научно-техническому прогрессу на транспорте, позволяющему сокращать время и стоимость перевозок, а также благодаря развитию «сетевой» экономики (особенно в IT-сегменте и сфере услуг). Эти выводы коррелируют с изменениями, происходившими в последние полвека в пространственной структуре Китая и в его региональной политике с точки зрения влияния на них фактора пространства.

В этом контексте Китай достаточно эффективно использует новое качество фактора пространства, *целенаправленно повышая его связность* (Seliverstov, 2021). Как мы отмечали выше и в статье (Селиверстов, 2025а), в КНР система мер по повышению связности пространства страны реализуется по трем основным векторам: 1) формирование современного мультимодального транспортно-логистического каркаса; 2) развитие самой мощной в мире системы гидротехнических сооружений, регулирующих национальную систему водопользования; 3) развитие одной из самых мощных в мире систем цифровой связности пространства и цифровой инфраструктуры. Слова «самый» и «первый» являются здесь ключевыми: в Китае строятся самые длинные в мире мосты и туннели, самые высокогорные магистрали (при том, что стоимость строительства 1 км здесь достигает 4 млн долл. США), самые мощные грузовые транспортно-логистические терминалы, здесь достигаются самые большие скорости на высокоскоростных магистралях (ВСМ) – около 350 км/ч. В городе Далянь введен в эксплуатацию первый в мире интеллектуальный супертанкер на метаноле. Как сообщает агентство Синьхуа, в Китае в период реализации 14-й пятилетней программы (2021–2025 гг.) общая протяженность эксплуатируемых железных дорог выросла на 12,8% – с 146,3 до 165,0 тыс. км, при этом протяженность ВСМ достигла 50,4 тыс. км (что более чем в 2 раза превышает их протяженность во всех остальных странах мира).

Крупнейшие инфраструктурные проекты составляют основу глобальной стратегической инициативы «Один пояс – один путь», которая требует колоссальных финансовых и материальных затрат. Так, объем финансирования инициативы «Один пояс,

один путь» к 2025 г. вырос на 75% и достиг рекордных 213,5 млрд долл. США¹.

Здесь важно подчеркнуть следующее. Инвестиции в повышение связности пространства КНР – это инвестиции как в настоящее, так и в будущее. Как отмечалось выше, вкладывая феноменальные средства в такие инфраструктурные проекты, *Китай намеренно отказывается от ориентации на обычные коммерческие характеристики эффективности проектов*. Ведь все китайские ВСМ убыточны (кроме нескольких линий, в т.ч. Пекин – Тяньцзинь, на которой объем пассажиропотоков особенно велик). Однако такие проекты формирования мощного транспортного каркаса КНР, цифровой экономики и укрепления цифровой связности страны оказывают существенное прямое и косвенное позитивное воздействие на пространственное развитие Китая, способствуют сокращению территориальных диспаритетов, выравниванию уровней жизни в провинциях, автономных районах и городах, сближают город и село, центральные и периферийные районы.

Выше отмечалось, что китайские особенности связности экономического, научно-технического, гуманитарного и этнонационального пространства страны коррелируют с еще одним, достаточно специфическим, направлением – политико-идеологической и институциональной связностью Китая, реализуемой целенаправленной политикой КПК. В таком качестве решение проблем связности пространства Китая придает ему новую «социальную функцию» (по терминологии К. Шмитта, рассматривавшего социальные функции больших пространств, связанные с формированием коллективной идентичности и культуры, обеспечением экономической безопасности и суверенитета, новыми возможностями решения глобальных проблем (Шмитт, 2008). В.А. Шупер также отмечает, что «надо уходить от понимания пространства как кладовой с ресурсами, которые можно добыть и продать, в лучшем случае – переработать. Пространство – во многом непознанный и даже загадочный источ-

¹ См.: *Инвестиции Китая в «Один пояс, один путь» достигли рекордных \$213 млрд / РБК, 18.01.2026. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/696cf28e9a79473d52b1a687> (дата обращения: 10.04.2026).*

ник развития, которому мы обязаны несравненно большим, чем нам это представляется, как и нашему языку, нашей культуре» (Шупер, 2026).

На этом фоне нет необходимости говорить о важности решения проблемы связности пространства в самой протяженной и масштабной стране мира – Российской Федерации. Однако здесь накопился большой и сложный клубок проблем, которые более подробно рассмотрены нами в работе (Селиверстов, 2024). По ряду направлений ситуация оказалась критичной (особенно с загрузкой Восточного полигона Транссиба), что вынуждает Правительство РФ принимать экстренные меры по расшивке узких мест в транспортном каркасе страны. В результате Россия пока оказалась неспособной эффективно управлять своим пространством, повышать его связность. Конечно, реализация Национального проекта «Безопасные и качественные дороги» существенно снизила остроту внутрирегиональных и городских транспортных проблем в субъектах Федерации, но наша страна не вышла на уровень крупных трансграничных транспортных проектов Китая. Россия добровольно уступила Китаю свою функцию моста Европа – страны АТР, которую сейчас КНР реализует через новые транспортные коридоры «Одного пояса – одного пути».

Китайские высокоскоростные и высокогорные железнодорожные магистрали (наряду со строительством качественных автодорог и региональных аэропортов) проникают на самые отдаленные, периферийные и отсталые территории страны и являются мощным катализатором для подъема их экономики. В России десятилетиями обсуждается вопрос о строительстве железной дороги по маршруту Кызыл – Курагино, и в условиях ее отсутствия Республика Тыва остается своеобразным удаленным «медвежьим углом» Азиатской России без новых стимулов роста. Сооружение такой магистрали (помимо выполнения функций «углевозной дороги»), безусловно, даст республике новый импульс роста, особенно если учесть возможность продолжения этой магистрали в северный Китай. Тогда связность пространства Тувы сможет повыситься и за счет выгод приграничного сотрудничества с сопредельными странами – Монголией и Китаем.

Выше мы упомянули главные особенности и различия китайской и российской систем государственного управления пространственным развитием. Есть и другие характерные особенности, которые следует кратко упомянуть.

1. Хотя Китай, в отличие от России, не является федеративным государством, в нем на более высоком уровне поддерживаются процессы *межрегионального сотрудничества*. Так, передовые прибрежные и центральные провинции осуществляют «шефство» над рядом отстающих в экономическом и социальном развитии провинций, автономных районов и городов Северо-Востока и Запада КНР (например, СУАР – провинция Цзянсу). Это «шефство» осуществляется как в формате обмена опытом государственного, регионального и муниципального управления, так и посредством реализации устойчивых экономических связей отдельных фирм и компаний регионов.

2. Своеобразным путем осуществляются процессы *межрегиональной конкуренции*. Как отмечалось выше, в России идет жесткая конкуренция регионов за внимание федерального центра и руководства страны и за получение федеральных трансфертов. Такая конкуренция подменяет необходимое соревнование регионов по уровню региональной конкурентоспособности. В Китае же сейчас реально осуществляется лишь один из видов межрегиональной конкуренции: идет борьба провинций за квалифицированные трудовые ресурсы и за «таланты».

3. В Китае достаточно эффективно осуществляются *процессы урбанизации*. Исторически китайские реформы начались с деревни. Позже, уже в XXI в., борьба с бедностью трансформировалась в поддержку развития сельских территорий. Но важно то, что урбанизация и поддержка села не рассматриваются в КНР как конкурирующие мероприятия. В государственные планы и стратегии на очередную пятилетку они включаются как государственно-провинциальные совместные и взаимодополняющие акции. Это позволяет успешным деревням переходить в категорию малых и достаточно комфортных поселений, а крупным городам – приостанавливать процесс чрезмерной урбанизации и перенаселения.

4. В Китае *государственный и частный бизнес* не является «сторонним наблюдателем» процессов модернизации пространственной организации экономики и общества. Так, крупные государственные компании (например, China State Railway Group Co.) выступают подрядчиками при реализации инфраструктурных проектов повышения связности пространства КНР. Через систему государственно-частного партнерства (ГЧП) центральное и провинциальные правительства стараются привлекать частные компании к выполнению программ развития регионов. Правда, как и в России, из-за низкой доходности проектов они не всегда охотно включаются в механизм ГЧП.

5. В КНР осуществлялось эффективное эшелонирование во времени и в пространстве процессов и ресурсов модернизации. «Тучные годы» и невиданный в мире бурный рост, сопровождаемый резким увеличением финансовых возможностей и ресурсов страны, были эффективно использованы для реализации крупнейших инфраструктурных «импульсных» проектов Китая. В современных условиях вряд ли существует такая финансовая возможность сформировать в кратчайшие сроки самую мощную в мире сеть высокоскоростных магистралей.

В результате суммирования всех отмеченных особенностей следует также сделать вывод, что активная и достаточно эффективная политика КНР по сокращению пространственных диспаритетов и по поддержке отстающих регионов позволяет характеризовать эту унитарную страну как *квазифедерацию* (федерализм «де-факто») с достаточно децентрализованной системой разграничения прав и полномочий центра и регионов и с большой экономической самостоятельностью последних и правом проведения в них экономических экспериментов. Это усиливается наличием в структуре страны национальных автономных районов и специальных административных районов (Гонгконг, Макао).

Итак, в какой же мере позитивный опыт государственного регулирования пространственного развития Китая может быть использован в России? Реальна ли имплементация китайской модели развития в российском пространстве? Ответ на этот вопрос зависит от действия и сочетания трех факторов и условий: материально-ресурсных, организационных и институциональных.

Очевидно, что материально-ресурсные возможности России в специфических условиях настоящего времени вряд ли могут позволить в ближайшей перспективе реализовать крупные инвестиционные проекты, в том числе связанные с преобразованием российского пространства. Так, отложен проект строительства (с китайским участием) высокоскоростной магистрали Москва – Казань, отодвинуты в будущее другие транспортно-инфраструктурные проекты. Хотя в принципе задача совершенствования транспортного каркаса РФ на основе развития новых транспортных коридоров руководством страны поставлена. В условиях выхода экономики России на траекторию стационарного развития может начаться перезагрузка национальных проектов и других масштабных программ государственного строительства.

Организационные факторы и условия в России также пока не вызывают особого оптимизма. Хотя принята более внятная Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2030 года, остаются пока неясными механизмы и ресурсы ее реализации. С начала 1990-х годов говорится о необходимости уйти от практики уплаты налогов по месту столичного расположения головных офисов крупнейших компаний-недропользователей, а платить их по месту основного производства. Но до сих пор этот вопрос так и не решен. В существующей в России негибкой модели вертикаль власти довлеет над горизонтальными интеграционными взаимодействиями, развитие регионов осуществляется в условиях жесткой централизации, реализуется ситуативное (ручное) управление решением важнейших стратегических вопросов.

Как отмечалось выше, в Китае, несмотря на то что он является унитарным государством, в отличие от России, являющейся государством федеративным, степень экономической и управленческой централизации существенно ниже российской. В результате губернаторы китайских провинций имеют гораздо больше власти, полномочий и ресурсов для решения социально-экономических проблем своих территорий, и в рамках своих полномочий они принимают стратегические решения, не оглядываясь при этом на реакцию КПК или национального правительства. Так, в частной беседе с автором один из ведущих ки-

тайских ученых привел такое сравнение: в России решения о реализации в регионах достаточно крупных инвестиционных проектов принимает лично Президент РФ, в Китае же решения о реализации проектов, в десятки раз более масштабных, принимает губернатор провинции.

То есть можно сделать вывод, что КНР обладает достаточно высокой степенью экономической децентрализации. Но при этом КПК проводит довольно жесткую линию «партийной дисциплины», что фактически означает сильную политическую централизацию, сопровождаемую наличием механизма партийного контроля. Очевидно, что такая китайская система сочетания централизации и децентрализации невоспроизводима ни в какой другой стране, в том числе и в России.

Сопоставляя китайский и российский опыт государственного управления пространственным развитием страны, в заключение отметим, что самым слабым звеном в ожидаемой модернизации российской модели развития и ее пространственного сегмента являются *институциональные факторы и условия*. Следует обратить внимание на то, что и китайские аналитики ставят этот фактор на первое место, говоря о проблемах в реализации стратегий развития макрорегионов КНР. Так, Чан Сюцзе отмечает, что на северо-западе страны, «дух договора слаб. Контракт – это то, что мы часто называем “договором”. Дух договора – это основной дух цивилизованного общества. Вообще говоря, дух договора имеет несколько столпов: дух договорной свободы, дух договорного равенства, дух договорного соответствия. Среди них дух соблюдения договора является ядром духа договора... В основных ценностях Китая “честность” является одним из основных принципов, в которые верят граждане. Договорное общество и общество честности тесно связаны» (Чан, 2021).

Это перекликается с исследованиями А.А. Аузана. В своей блестящей книге «Культурные коды экономики» (Аузан, 2022) он, ссылаясь на исследования зарубежных ученых, утверждает, что уровень доверия в России в целом, и особенно в предпринимательской среде, начиная от крупных компаний и корпораций и до малого бизнеса, низок, и это существенно снижает потенциал роста российской экономики и не позволяет вы-

браться из существующей «колеи» развития. А.А. Аузан также фиксирует сильную зависимость экономического роста от системы институтов в конкретной стране, которая, в свою очередь, связана с формой правления, типом политического режима, особенностями системы государственного управления, культурным кодом нации и т.д.

В нашей работе (Селиверстов, 2024) мы показали, что на практике государственного управления и пространственного развития в России сильно не хватает действенной, эффективной и отвечающей требованиям времени институализации. И это, безусловно, будет затруднять переход на более эффективную модель развития. Так, она должна быть основана на реализации принципов интеграции и взаимодействия, которые приводят к «эффекту эмерджентности» и использованию потенциала синергии. Однако современная российская бизнес-элита пока не обладает должным менталитетом сотрудничества. Конечно, ряд российских компаний показывают сильные примеры использования принципов интеграции и взаимодействия, но пока это не стало всеобщей практикой. В результате исчез сам «дух кооперации», лежавший в основе первых сибирских мегапроектов. Это сопровождается излишней конкуренцией регионов и компаний за внимание и ресурсы федерального центра, что тормозит интеграционные процессы. Формальные институты развития подавляют неформальные, основанные в том числе на «культурных кодах экономики». Все это выливается в «эффект колеи», который не дает стране перейти от одной модели развития к другой.

Однако в своей книге А.А. Аузан делает важное признание: «Тем, кто из наличия эффекта колеи делает неожиданный вывод, что наша страна обречена на пребывание в этой траектории движения, на постоянное дежавю и повторения уже прожитых ситуаций, и что нечего и суесться – так работает закон истории – этим людям я хочу заметить: я с вами категорически не согласен. Эффект колеи – это диагноз, а не приговор» (Аузан, 2022, с. 7). А правильный диагноз – это первый и самый необходимый этап излечения человека, экономики или общества. Эта цитата как бы дополняет позицию китайских ученых, что «экономические про-

блемы Северо-Востока – это не “болезнь”, а “синдром” или “осложнение”» (Чан, 2021).

Именно поэтому институциональные аспекты китайской и российской модернизации, в том числе связанные с государственным регулированием пространственного развития, приобретают сегодня важнейшее значение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящий аналитический доклад, безусловно, не раскрывает весь спектр проблем пространственного развития Китая и путей их решения, хотя в отличие от других публикаций нам удалось использовать последние данные и статьи китайских ученых по реализации стратегий развития китайских макрорегионов. Так, мы не рассмотрели очень интересный опыт межрегионального сотрудничества и «разгрузки» Пекина от нестолических функций на примере программы скоординированного развития зоны «Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй» (Александрова, Хань, 2019). Наверняка неординарные результаты получены при реализации стратегических направлений развития Центрального макрорегиона КНР, которые мы не изучили. Требуется осмысления практика подготовки важнейших стратегических документов Китая и его регионов и их последующая имплементация и мониторинг. Остается в тени вопрос, как при отсутствии в структуре исполнительной власти КНР специального государственного органа, ведающего вопросами региональной политики и государственного регулирования пространственного развития, с начала XXI века удалось запустить механизм оптимизации пространственной структуры страны. Все эти и другие подобные вопросы мы намерены рассмотреть позже в других наших публикациях.

Простых решений, как выбраться из «колеи» неэффективной модели развития постсоветской России, не бывает (типа лозунгов «обогнать, не догоняя»). В нашей статье (Селиверстов, 2024) мы рассматривали эту проблему в разделе «Модель развития Сибири в условиях адаптации к вызовам и угрозам последнего времени» с акцентом на мобилизационных возможностях рос-

сийской экономики и общества. И наш вывод (который был дополнен результатами исследований, отраженными и в других публикациях) состоял в том, что на перепутье выбора новой модели развития России и ее регионов следует более внимательно изучить и по возможности использовать опыт Китая. В этом опыте реально осуществляется переход от экономических и коммерческих целей к установкам на рост социальной ценности, в основе которой – человек и его среда обитания. Китайская модернизация базируется на достижении научно-технологического лидерства и на гармоничном развитии провинций и автономных районов страны, на сокращении диспаритетов в развитии города и села. Безусловно, что большую роль в возрастании экономической мощи Китая сыграло качество индикативного стратегического планирования и управления на национальном и региональном уровнях.

Ранее эти тезисы мы выдвигали в качестве гипотезы. Более детальное исследование процессов пространственного развития и государственного управления в Китае в последние четверть века, анализ государственной статистики КНР, изучение трудов китайских ученых и аналитиков эту гипотезу подтвердили. То есть мы показали, что именно Китай своими стратегическими установками и реальной практикой реализует ту модель развития, на которую должны перейти Россия и ее важнейший макрорегион – Сибирь. Для этого Китай использовал колоссальные финансовые и материальные ресурсы, направив их на преобразование пространства страны, на повышение его связности и на развитие самой мощной в мире транспортно-логистической инфраструктуры.

Конечно, следует более тщательно изучить китайский опыт «демпфирования» влияния тяжелой промышленности на эффективность развития регионов. Так, на примере Северо-Востока КНР нами было показано, как «ржавые пояса» устаревшей модели индустриализации тянут вниз развитие северо-восточных провинций Китая. С аналогичной проблемой сталкиваются и такие регионы Сибири, как Красноярский край и Иркутская область. «Утяжеленная» структура производства сказывается на их темпах роста и эффективности их развития.

Другим очень сильным примером для возможного использования в России китайского опыта является, безусловно, кадровая политика и воспитание нового поколения, стимулирование развития отечественных «галантов» в самых разных областях знаний, инноваций, управления.

Важнейшим направлением преобразований и китайского, и российского пространства являются трансграничные взаимодействия. Поднебесная делает это чрезвычайно успешно, реализуя крупномасштабную стратегическую инициативу «Один пояс – один путь». Успехи России гораздо менее ощутимы, но перспективы здесь очень велики. При этом существенная интенсификация трансграничных взаимодействий регионов Сибири и Дальнего Востока РФ даст импульс к развитию таких территорий Китая, как провинции Хэйлунцзян, Цилинь и Ляонин, автономные округа Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурский (последний расположен на периферии всех трансграничных связей КНР).

Барьерами в усилении трансграничного сотрудничества Сибири, российского Дальнего Востока, Севера и Северо-Востока Китая являются как отсутствие современной транспортно-логистической инфраструктуры, так и дефекты реализуемой концепции экспортно-импортных взаимодействий двух стран (масштабные потоки российского сырья, топлива и материалов в Китай, обратные потоки китайской готовой продукции). И дело здесь не только в низкой конкурентоспособности российских изделий на китайском рынке, как утверждают китайские коллеги. Сам Китай занимает пассивную позицию в поддержке высокотехнологичного производства в России. Например, построив на взаимной основе эффективный индустриальный парк «Великий камень» и всю производственную инфраструктуру Белорусской национальной биотехнологической корпорации под Минском в Республике Беларусь, он не спешит предпринимать аналогичные шаги в России.

Безусловно, несмотря на сложность экономической ситуации, в России следует реализовать по примеру Китая практику экспериментов по поддержке избранных территорий с особыми нормативно-правовыми режимами функционирования. Возникает резонный вопрос: почему бы, например, Новосибирскому

научному центру СО РАН в единстве с наукоградом Кольцово не предоставить статус такой пилотной зоны опережающего научно-инновационного развития (по примеру сочинского «Сириуса»)? Ведь ННЦ СО РАН – один из форпостов российской науки, многие его академические институты работают на уровне лучших мировых стандартов. Наукоград Кольцово и Технопарк Новосибирского Академгородка (Академпарк) – лучшие в стране. Новосибирский государственный университет – также один из передовых университетов России. В совокупности и во взаимодействии академической науки, высшей школы и инновационного бизнеса Академгородок 2.0 является одной из лучших в России региональных научно-инновационных экосистем с сильными компетенциями и историями успеха. Однако институциональная неопределенность его правового статуса значительно снижает потенциальную эффективность функционирования.

Сейчас Китай занимает достаточно пассивную и выжидательную позицию в отношении сотрудничества с Россией (активно закупая при этом энергоресурсы и другие виды материального сырья по заниженным ценам). В 2025 г. впервые за много лет произошло заметное снижение товарооборота между двумя странами (правда, в первом полугодии 2026 г. он снова значительно вырос – на 25,6%, достигнув отметки в 134,2 млрд долларов в полугодовом исчислении). Пассивность Российской Федерации и заторможенность в реализации ряда стратегических инициатив российско-китайского сотрудничества также широко известны¹. Поэтому при перестройке российско-китайских экономических, инвестиционных и научно-технических взаимодействий нужно

¹ Яркий пример – строительство автодорожного моста Благовещенск - Хэйхэ через Амур. О необходимости первоочередной реализации этого инфраструктурного проекта автор, будучи студентом, впервые услышал в 1977 г. в Новосибирском государственном университете на лекции, которую читал выдающийся экономист и экономгеограф М.К. Бандман. С тех пор г. Благовещенск практически «заморозился» в своем развитии, а китайская деревушка Хэйхэ на другом берегу Амура превратилась в современный город с населением свыше 1,3 млн человек (городской округ Хэйхэ). Лишь в 2016 г. строительство моста началось, и он был открыт для движения в 2022 г. (в Китае мосты такого класса строятся в разы быстрее).

смелее идти на управленческие эксперименты, внедрять новые формы сотрудничества.

Например, в региональной политике Европейского союза нашла широкое применение практика так называемых «еврорегионов», т.е. европейской формы межгосударственной интеграции, основанной на тесном сотрудничестве двух или нескольких территориальных образований, расположенных в приграничных районах соседствующих государств (например, «Адриатика», «Маас-Рейн», «Силезия», «Татры» и др.). В региональной политике ЕС еврорегионы выступают объектом управления, на поддержку их развития выделяются целевые средства для реализации конкретных проектов. Еврорегионы объединены в Ассоциацию европейских регионов, с 1985 г. действует Ассамблея европейских регионов. Учитывая приграничное положение ряда территорий Сибири и Дальнего Востока с провинциями и автономными районами Китая, почему бы не начать научное обсуждение целесообразности формирования на примерно таких же принципах и российско-китайских пространственных трансграничных анклавов?

Целями настоящего аналитического доклада вовсе не являлись возвеличивание великого восточного соседа России и фиксация упущенных возможностей нашей страны. Во-первых, развитие Китая не бесппроблемно. Страна переходит на траекторию «охлаждения» гигантских темпов экономического роста прошлых периодов. Существуют проблемы в ряде национальных автономий (в СУАР и на Тибете). В любой момент может лопнуть «пузырь» избыточной недвижимости, который регулярно «надувался» в течение длительного времени. Выше мы отмечали гигантский размер долга провинций и автономных районов КНР. Как отмечает известный российский китаевед-дипломат С.Н. Гончаров, переключение государственной политики КНР на поддержку внутреннего спроса наталкивается в том числе и на тот факт, что в численности городского населения (около 920 млн человек) примерно треть (а это переселенцы из села) не имеют официально закрепленного статуса городских жителей, что лишает их социальных услуг и т.д. Остаются неясными этические моменты экспериментов по «социальному кредиту» («социальному рейтингу»), проводимые в ряде городов КНР. И, конечно, сильным

вызовом являются процессы депопуляции современного Китая. Особо негативные прогнозы ООН даже фиксируют в отдаленной перспективе до 2100 г. сокращение его численности населения до 700 млн человек (т.е. сокращение в 2 раза по сравнению с современным уровнем). Однако большинство из отмеченных проблем не замалчивается руководством КНР и КПК, более того – именно их решения становятся четкими направлениями государственных планов экономического и социального развития Китая. И поэтому китайский опыт преодоления возникающих проблем должен стать сильным уроком для России.

Во-вторых, следует более объективно оценивать результативность российско-китайского сотрудничества. С одной стороны, лидеры России и Китая постоянно подчеркивают, что в настоящее время отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия являются высшим уровнем двусторонних связей между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. С другой – нужно различать политическую риторику КНР (типа «Сообщество с единой судьбой человечества») с реальными действиями Китая по закреплению своего лидерства в двухполярном мире с дальней перспективой стать лидером новой восточной однополярности.

Факты говорят о том, что достигнутый уровень российско-китайского партнерства далеко не исчерпывает потенциал сотрудничества и здесь существует ряд проблемных вопросов:

- хотя товарооборот между Россией и Китаем в 2023 году достиг 250 млрд долларов и в страновом списке основных торговых партнеров КНР РФ занимает почетное пятое место, однако структура торгово-экономических связей Китая и России вряд ли может быть признана оптимальной с позиции российских интересов. Основная масса продукции, поставляемой из России в КНР – это топливо и сырье (нефть, природный газ, руда, металлы, лес), в обратном направлении осуществляются поставки готовой продукции;
- пока не осуществлен переход к укреплению экономических взаимодействий по самому широкому фронту (прямые инвестиции, совместные инвестиционные проекты,

- программы приграничного сотрудничества и т.д.), преобладают обычные экспортно-импортные операции;
- новые транспортные коридоры в рамках панъевразийской транспортной системы «Новый шелковый путь», реализуемой Китаем, практически минуют российское пространство;
 - участие России в реализации стратегической инициативы КНР «Один пояс – один путь» осуществляется в формате «догоняющего развития» за масштабными внешнеполитическими и экономическими акциями Китая. Отсутствует сопряжение этой стратегической инициативы с концепцией Большого евразийского партнерства, предложенной Россией.

В мае 2026 г. в журнале «Монокль» опубликовано интервью директора центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ В. Кашина с характерным названием «Сильный попутчик, но не союзник»¹. В нем фактически отражено реальное современное состояние российско-китайских отношений. Оно невольно заставляет аналитиков задавать ряд неполиткорректных вопросов, например: заинтересован ли Китай помочь России в переходе на модель возобновляющегося роста социальной ценности (см. раздел 2)? Скорее всего – нет, поскольку ее внедрение должно поставить крест на потоках непереработанного сырья и топлива из России в КНР. Заинтересован ли Китай в повышении связности пространства Азиатской России? Также нет, он формирует собственные конкурентные транспортные коридоры в Центральную Азию и Европу. Не будем задавать банальный вопрос, заинтересован ли Китай экономически в скорейшем завершении СВО? Здесь мнения аналитиков расходятся, и ряд из них отмечает, что именно современная ситуация очень выгодна КНР, т.к. она позволила получать от Российской Федерации большие объемы сырья и топлива с сильным дисконтом. Т.е. Китай прямо и косвенно заинтересован в сохранении сырьевой ориентации развития России и ее восточных районов, фактически оставаясь в стороне от научно-технологического преобразования нашей страны.

¹ <https://monocle.ru/monocle/2026/22/silniy-poputchik-no-ne-soyuznik> (дата обращения: 01.06.2006).

В таких условиях, как нам представляется, расширяя «окно возможностей» для реализации «восточного (т.е. фактически – китайского) вектора» развития России и наполняя его новым качеством, целесообразно обратить пристальное внимание на другой вектор трансграничных взаимодействий РФ – на страны Центральной Азии, в первую очередь на Республику Казахстан. Здесь, как показывают результаты наших исследований, существуют громадные и неиспользованные резервы сотрудничества.

Безусловно, что никто, кроме самой России, не решит ее существующие проблемы. И здесь нужны экстраординарные усилия, фактически в виде открытия второго «внутреннего фронта» – фронта борьбы за научно-технологическое развитие России, соответствующего вызовам и трендам XXI века и перехода на новую модель развития. Но это должно быть не в формате лозунгов и формальных акций типа «борьбы за урожай» советских времен, а путем продуманных и системных усилий власти, бизнеса и российского общества, и их взаимодействия. И здесь, действительно, потребуется эффективная помощь дружественных стран и, в первую очередь – Китайской Народной Республики.

Следует напомнить, что в труднейший послевоенный период СССР оказал Новому Китаю колоссальную помощь в формировании современной по тем временам индустриальной базы на Северо-Востоке КНР. Сейчас настала пора, образно выражаясь, отдавать старые долги. Китай способен своей экономической и научно-технологической мощью оказать поддержку в формировании нового экономического, научно-технического и инфраструктурного каркаса Азиатской России. Ответный результат в виде трансграничных импульсов развития для регионов Севера и Северо-Востока Китая не заставит себя ждать.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Аганбегян А.Г. Три главных социально-экономических вызова, стоящих перед Россией, и 15 ответных шагов // *Экономические стратегии*. – 2023. – Т. 25, № 1 (187). – С. 6–15.

Александрова М.В., Хань Сюэ. Формирование экономического региона Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй // *Проблемы Дальнего Востока*. – 2019. – № 5 (2). – С. 24–30.

Аузан А.А. Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. – М. : Изд-во АСТ, 2022. – 160 с.

Баженова Е.С., Островский А.В. Синьцзян – горизонты нового шелкового пути. – 2-е изд., доп. – М. : Институт Дальнего Востока РАН, 2016. – 276 с.

Борох О.Н., Ломанов А.В. Модернизация китайского типа: эволюция концепции // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2024. – Т. 68, № 1. – С. 31–47.

Гао Цзисян. Китайско-российское сотрудничество на Дальнем Востоке в контексте взаимодействия «открытости на Север» и «поворота на Восток» // *Экономика региона*. – 2025. – Т. 21, № 3. – С. 802–816. – DOI 10.17059/ekon.reg.2025-3-16.

Захаржевская А.Ю. Неравномерность развития регионов КНР: зависимость от секторальной структуры экономики // *Региональные исследования*. – 2021. – № 1. – С. 84–95.

Зуенко И. Применим ли в России китайский опыт строительства высокоскоростных железных дорог? // *Профиль. Наука и технологии*. – 2023. – 21 сентября. – URL: <https://profile.ru/scitech/primenim-li-v-rossii-kitajskij-opyt-stroitelstva-vysokoskorostnyh-zheleznih-dorog-1388217/> (дата обращения: 15.07.2026).

Китай 2030: стратегия технологического прорыва / НИУ «Высшая школа экономики», Институт статистических исследований и экономики знаний. – М., 2026. – URL: <https://issek.hse.ru/news/1158587393.html> (дата обращения: 15.07.2026).

Крюков В., Порфирьев Б., Широков А. Меморандум суверенного роста. Цели и задачи экономической политики в новых условиях // *Эксперт*. – 2022. – № 20, 16–22 мая. – С. 44–46.

Крюков В.А., Селиверстов В.Е. Стратегическое планирование пространственного развития России и ее макрорегионов: в плену старых иллюзий // *Российский экономический журнал*. – 2022. – № 5. – С. 22–40.

Ларин В.Л. Россия в планах и программах приграничных территорий Китая // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2021. – Т. 65, № 12. – С. 5–14.

Ли Пэйлин. Разрыв между севером и югом на новом этапе развития Китая // Исследования социального развития. – 2022. – № 1. – С. 1–13. – (На кит. яз.).

Ли Юцзюань. Совместная реализация инициативы «Один пояс – один путь» в контексте стыковки стратегий экономического развития Китая и России // Регион: экономика и социология. – 2021. – № 2. – С. 211–235.

Ломанов А.В. Современный Китай: внутренние и внешние вызовы на новом этапе преобразований // Вестник Российской академии наук. – 2020. – Т. 90, № 2. – С. 103–112.

Лю Гуобинь, Лю Цзинюй. Новые прорывы в возрождении старых промышленных баз на северо-востоке Китая в рамках инициативы «Пояс и путь»: значение, потенциальные преимущества, направление прорыва, трудности и путь к реализации // Northeast Asia Economic Research. – 2023. – № 4. – С. 23–32. – (На кит. яз.).

Лю Ижю, Авдокушин Е.Ф. Формирование и развитие Цифрового шелкового пути Китая. – М. : Научные издания Дашков и К, 2023.

Лю Цинцай, Ци Синь. Стыковка и сотрудничество между стратегиями развития Северо-Восточного Китая и Дальнего Востока России в рамках «Одного пояса – одного пути» // Northeast Asia Forum. – 2018. – Вып. 2. – С. 34–51. – (На кит. яз.).

Ма Хуатэн и др. Цифровая трансформация Китая. Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики / Ма Хуатэн, Мэн Чжаоли, Ян Дели, Ван Хуалей ; пер. с кит. – М. : Интеллектуальная литература, 2019. – 250 с.

Макеева С.Б. Опыт китайской школы пространственного анализа в изучении актуальных проблем регионального развития КНР во второй половине XX – начале XXI в. // Общество и государство в Китае. – 2020. – Т. 50, вып. 1, № 34. – С. 842–850.

Макеева С.Б. Трансформация региональной политики России и Китая в условиях неравномерности развития регионов (1980–2020 гг.): сравнительно-историческое исследование // Сравнительная политика. – 2021. – Т. 12, № 3. – С. 98–111.

Макеева С.Б. Формирование и реализация стратегий регионального развития в Китайской Народной Республике (1978–2012 годы) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2023. – 47 с.

Навдаева М.Е. Морская экономика как основа построения великой морской державы в Китае // Российско-китайские исследования. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 156–164.

Научно-технологические, институциональные и инфраструктурные основы системы обеспечения крупных инвестиционных импуль-

сов : докл. / под ред. В.А. Крюкова, Н.И. Суслова ; Ин-т экономики и орг. пром. пр-ва СО РАН. – Новосибирск : Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2025. – 180 с.

Основные положения 15-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики. – 2026. – URL: https://wb.beijing.gov.cn/home/index/wsjsx/202603/t20260316_4557635.html (дата обращения: 15.07.2026). – (На кит. яз.).

Основные положения четырнадцатого пятилетнего плана народно-хозяйственного и социального развития КНР и перспектив до 2035 г. – 2022. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 15.07.2026). – (На кит. яз.).

Островский А.В. Китайская экономическая реформа с близкого расстояния: как проводилась экономическая реформа в различных провинциях КНР / ИВ РАН. – М. : Изд-во МБА, 2025. – 364 с.

Пармон В.Н., Крюков В.А., Селиверстов В.Е. Трансграничные взаимодействия на востоке России: научное сопровождение и задачи Сибирского отделения РАН // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 2. – С. 226–258.

Попов В.В. Китайская модель: Ретроспектива и перспектива. – Ереван : Fortis Press, 2025. – 392 с.

Портяков В.Я. Экспериментальные зоны свободной торговли в Китае. – М. : ИДВ РАН, 2021. – 104 с.

Предложения ЦК КПК по разработке 15-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития. – 2025. – URL: <https://en.theorychina.org.cn/c/2025-10-29/1534664.shtml> (дата обращения: 15.07.2026).

Самбутова Е.Н. Региональные диспропорции современного развития экономики Китая // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. – 2014. – № 4. – С. 49–55.

Селиверстов В.Е. Генезис мировых интеграционных процессов // Региональное и муниципальное стратегическое планирование и управление: методология, проблемы, институты : в 2 т. / под ред. В.Е. Селиверстова, А.С. Новоселова. – Новосибирск : Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2025в. – Т. 1, гл. 5.1. – С. 224–229.

Селиверстов В.Е. Государственное регулирование пространственного развития Китая (на примере Северо-Восточного и Западного макрорегионов) // Регион: экономика и социология. – 2025б. – № 4 (128). – С. 249–280. – DOI 10.15372/REG20250410.

Селиверстов В.Е. Инфраструктурные проекты как основа связности и нового пространственного каркаса Китая // Экономика региона. – 2025а. – Т. 21, № 3. – С. 786–801. – DOI 10.17059/ekon.reg.2025-3-15.

Селиверстов В.Е. О контурах и реалистичности новой модели развития Сибири // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 1 (121). – С. 66–114. – DOI 10.15372/REG20240103.

Селиверстов В.Е. Парадоксы больших стран. Достижим ли баланс в развитии регионов? // Поиск : еженед. газ. науч. сообщества. – 2025. – № 15 (1869), 11 апр. – URL: https://poisknews.ru/wp-content/uploads/2025/04/poisk_15_20250411.pdf (дата обращения: 15.07.2026).

Селиверстов В.Е. Реализация государственной региональной политики КНР: уроки для России // Регион: экономика и социология. – 2026. – № 1. – С. 227–267. – DOI 10.15372/REG20260109.

Селиверстов В.Е. Региональное стратегическое планирование: от методологии к практике / отв. ред. В.В. Кулешов ; ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 2013. – 435 с.

Ставров И.В. Возрождение Северо-Восточного Китая в программных документах Пекина в начале XXI в. // Россия и АТР. – 2017. – № 4. – С. 69–87.

Сунь Чжуанчжи. Гармонизация развития стран Евразии в контексте реализации и модернизации стратегической инициативы «Пояс и путь» // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 3. – С. 202–221.

Сунь Чжуанчжи. Строительство «Пояса и пути» и евразийское региональное управление в перспективе модернизации // VII Форум аналитических центров российско-китайских экономических взаимодействий : сб. тр. – Харбин, 2023. – С. 229–233. – (На кит. яз.).

Сюй Полин, Сюй Цзяньхуй. Влияние стратегии масштабного освоения Западного макрорегиона на пространственное развитие Китая: эффективность внутренней политики и проблемы // Регион: экономика и социология. – 2025. – № 2 (126). – С. 186–230. – DOI 10.15372/REG20250206.

Титаренко М.Л. Россия и Китай: стратегическое партнерство и вызовы времени. – М. : Форум, 2014. – 224 с.

Хикл У. Проблемы общественной собственности. Модель Аляски – возможность для России? – М. : Прогресс, 2004. – 360 с.

Ху Хуаньюн. Распределение населения Китая со статистическими таблицами и картами плотности // Географический журнал. – 1935. – № 2. – (На кит. яз.).

Ци Хунхуа. Возрождение старой промышленной базы Северо-Востока в новую эпоху: идеи, дилеммы и контрмеры // Макро. – 2023. – № 11. – С. 10–13. – (На кит. яз.).

Чан Сюэзе. Исследование пути возрождения Северо-Восточного Китая на новом этапе развития // Академическое видение. – 2021. – № 10. – С. 111–124. – (На кит. яз.).

Чжан Юй. Опыт китайских экономических реформ и их теоретическая значимость / пер. с кит. В.А. Ефановой. – М. : Междунар. изд. компания «Шанс», 2017. – 239 с.

Чэнь Яо. Несколько ключевых вопросов, которые должны быть рассмотрены в новом раунде реализации Стратегии возрождения Северо-Восточного Китая // Экономические перспективы. – 2017. – Вып. 1. – С. 8–12. – (На кит. яз.).

Шмитт К. Номос земли в праве народов *Jus Publicum Europaeum*. – СПб. : Владимир Даль, 2008. – 669 с.

Шупер В.А. Континентализм как преемник талассократии // Российский совет по международным делам. – 2026. – 16 янв. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kontinentalizm-kak-preemnik-talassokratii/> (дата обращения: 15.07.2026).

Щепин К. Воду пустят с юга на север. Китайскому проекту по ликвидации дефицита водных ресурсов исполнилось 10 лет // Российская газета. – 2024. – 15 дек. (№ 285 (9527)). – URL: <https://rg.ru/2024/12/15/vodu-pustiat-s-iuga-na-sever.html> (дата обращения: 15.07.2026).

Экономическое и социальное развитие Автономного района Внутренняя Монголия: четырнадцатый пятилетний план и перспективы до 2035 года. – 2022. – URL: https://www.nmg.gov.cn/zwgk/zfxgk/zfxgkml/202102/t20210210_887052.html (дата обращения: 15.07.2026). – (На кит. яз.).

Kryukov V.A., Seliverstov V.E. The Space and Economy of Siberia: From Studying the Features of Development to Designing Directions for the Growth of Social Value // *Studies on Russian Economic Development*. – 2022. – Vol. 33, No. 5. – P. 488–494.

Seliverstov V.E. Connectivity of the Siberian Space: Problems and Solutions // *Regional Research of Russia*. – 2021. – Vol. 11, Suppl. issue 1. – P. S23–S34.

Seliverstov V.E. Potential for Sino-Russian cross-border cooperation high // *China Daily*. – 2024. – 30 Oct. – URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202410/30/WS6721702da310f1265a1ca538.html> (date of access: 15.07.2026).

Seliverstov V.E. The “Five-Year Plan” of Spatial Development and Regional Policy of Russia: Running in Place or Readiness for a Sprint? // *Regional Research of Russia*. – 2022. – Vol. 12, Is. 2. – P. 177–191.

План изданий ИЭОПП СО РАН, 2026 г.

Доктор экономических наук Селиверстов Вячеслав Евгеньевич

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ,
ИНДИКАТИВНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ
И ИМПУЛЬСНЫЕ ПРОЕКТЫ
В ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ:
УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

Редактор
Дизайн обложки
Оригинал-макет

В.Ю. Юхлина
А.С. Кузнецова
С.А. Дучкова

Подписано к печати 24 июля 2026 г. Формат бумаги 60×84¹/₁₆.
Гарнитура «Таймс». Объём п.л. 7,25. Уч.-изд.л. 7.
Тираж 70 экз. Заказ № 86.

Издательство ИЭОПП СО РАН
Тел. (383) 330-17-95, e-mail: s.duchkova@ieie.nsc.ru
Участок оперативной полиграфии ИЭОПП СО РАН,
630090, г. Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, 17.